

МАРГО АРНЕЛЛ

ДОЧЬ ПУСТОТЫ

Марго Арнелл

Дочь Пустоты

<https://litres.ru/73284262>

SelfPub; 2026

Аннотация

В размеренную жизнь Аси врывается Туманность Пустоты – осколок потустороннего мира, сотканный из воспоминаний заблудших душ.

Ася не расстается с картами Таро, но они не дают всех ответов. Почему ей снится один и тот же город, затерянный в тумане? Как она связана с людьми, попавшими в его ловушку? Кто он, ее Рыцарь, не знающий даже собственного имени?

И кто такая эта Дочь Пустоты?

Содержание

Глава первая. Луна	5
Глава вторая. Верховная Жрица	22
Глава третья. Императрица	38
Глава четвертая. Мир	55
Глава пятая. Колесо Фортуны	68
Глава шестая. Отшельник	83
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Марго Арнелл

Дочь Пустоты

.

Глава первая. Луна

КАРТА ТАРО "ЛУНА"

Ключи: Иллюзия, подсознание, страх, обман, неопределенность, сны, переход.

Это карта мира подсознательного, где нет четких границ между реальным и воображаемым.

«Что ты выберешь, Ася – смерть или безумие?»

Она вздрогнула. Ветер говорил с ней голосом Тони, оживляя в памяти минувший вечер. Вечер, который на ее глазах плавно превращался в ночь.

То был не расклад. Пока Ася, задумавшись, тасовала карты, из колоды выпали две. Карта с множеством имен – Шут, Дурак, Глупец, Безумец... и ее величество Смерть. Нахмурившись, Ася торопливо присовокупила выпавшие карты к остальной колоде. Сказала со смешком: «Этот расклад для тебя. Так что я выбираю любовь».

Ася по-доброму, как могут позволить себе только лучшие подруги, посмеивалась над Тоней, которая «никак не могла наладить свою личную жизнь». Притом, что им обоим было по восемнадцать. Однако Тоне уже сейчас нужна была любовь – и непременно такая, чтобы как в кино, со страстью и до гроба. Жаль, что в ее представления об идеальном мужчине никак не вписывался их однокурсник Антон. Прекрас-

но же звучало – Антон и Антонина...

Та уютная атмосфера – две подружки, увлекательная беседа, добродушные подначки, обжигающий чай с бергамотом и карты Таро, – теперь казалась такой далекой...

Какой и сама Тоня была сейчас.

Глядя на чернеющий провал старого дома в том месте, где десятилетия назад находилась дверь, Ася поежилась и поплотнее запахнула пальто. Ей никак не хватало решимости войти туда следом за подругой. Асю не покидало ощущение, что она вот-вот шагнет навстречу собственному безумию. Или собственной смерти. Оттуда и вынырнувшие со дна памяти Тонины слова.

Потому что Тоня зачем-то свернула с нужного им перекрестка. Потому что не откликалась всю оставшуюся половину пути. Потому что ее тоненькая фигурка только что исчезла в заброшенном доме, в который никто в здравом уме не осмелился бы зайти.

Весь сегодняшний вечер пошел не по плану. А началось все с того, что Тоня предложила заглянуть в гости к Вике. Там, дескать, будут почти все одноклассники, а Асе «нужно обращать побольше внимания на тех, кто ее окружает».

Не хотелось выглядеть жалко, объясняя Тоне, что с каждым годом такая обыденная часть человеческой жизни, как необходимость находиться в толпе, среди людей, становилась для нее все большим испытанием. А в своем определении слова «толпа» Ася самой себе напоминала курочку

из детской сказки. Та, собрав под крылом цыплят, считала: один, два, много. И так продолжалось до тех пор, пока цыплят не осталось ровно два. Вот и для Аси все, кроме Тони и мамы, которая последние годы пропадала на заработках за пределами родного города – уже толпа.

Отчего так происходит, Ася не знала, но по возможности старалась сторониться большого количества людей. Добровольное отшельничество – так она это называла.

– Ася, это судьба! – пылко говорила Тоня. – Зря ты мне, что ли, нагадала новые знакомства? Их не заведешь, если будешь все время торчать дома. И если тебя твоя затворническая жизнь устраивает, то твою единственную подругу, не будем указывать на нее пальцем, нет!

– Ты же понимаешь, что я не профессиональная гадалка? – подозрительно спросила Ася.

Она и сама уже не помнила, что заставило ее однажды взять в руки карты Таро. Возможно, желание хоть как-то структурировать свою жизнь, призрачный шанс разложить по полочкам настоящее и заглянуть в будущее, развеяв пугающую ее неизвестность.

– Ты учишься как проклятая. – В устах подруги это звучало как обвинение. – Позволь себе хоть немного отдохнуть!

Возможно, виной всему Тоня, но идея сбежать из дома вдруг показалась Асе действительно заманчивой. Однако вместо того, чтобы признать поражение, она с хитрым прищуром сказала:

– Давай посмотрим, что на это скажут карты...

Тоня в предвкушении заерзала на месте.

Сама Ася вместо полноценных раскладов чаще всего практиковала гадание по одной карте, призванной сказать, что ей делать... или что ее ждет.

В этот раз таковой оказалась карта, на которой была изображена красивая женщина в ниспадающем до пола серебристом одеянии с необычным головным убором на голове – венцом в виде перевернутого полумесяца. За его рога цеплялась полупрозрачная вуаль, ниспадающая до самой груди.

Верховная Жрица.

Поиск тайных знаний, мудрость, предчувствие, способность видеть как прошлое, так и будущее... Верховная Жрица не просто сулила скорые перемены, но и обещала, что произойдет нечто такое, что заставит Асю взглянуть на окружающий мир и на собственную жизнь совершенно иначе.

Она фыркнула. Вряд ли скромная домашняя вечеринка способна изменить ее сознание.

– Ладно, дай мне десять минут.

Тоня довольно хлопнула в ладоши. Оставив ее опустошать тарелку с чипсами, Ася скрылась в ванной.

Светло-русые волосы распустить по плечам, форму глаз подчеркнуть стрелками, создав этакий лисий прищур, и готово. Ася надела нежное мятное платье с пышной юбкой и роскошным кремовым бантом на талии, перекинула ремешок крохотной сумочки через плечо и подмигнула своему

отражению.

Увидев ее, Тоня одобрительно подняла палец вверх. Будто неосознанно желая подчеркнуть непохожесть их образов, сегодня она надела темные брючки и топ «летучая мышь», открывающий живот и пирсинг в пупке, а волосы, которые ласково называла мышиными, завязала в хвост на макушке. Просто и со вкусом – очень в ее стиле.

Пока они коротали время дома за гаданиями и болтовней, стемнело. Улица пахла осенью и дымом, из прохожих им встретилось лишь несколько человек. Поначалу все было как обычно. Ася привычно погрузилась в размышления, пока Тоня непринужденно о чем-то щебетала. То забегала вперед, то, опомнившись, останавливалась и показательно нетерпеливо дожидалась подругу, резкая и стремительная, как пружинка.

Оказалось даже приятно нарушить привычный маршрут «институт-дом-дом Тони». Да и посиделки с однокурсниками у Вики... Наверное, Тоня все-таки права. Не мешает хотя бы время от времени напоминать себе, что мир существует и за пределами этих трех измерений.

Ася резко остановилась. Что-то неправильное было в очертаниях переулка. Нет, в его тени. Стоило приглядеться – и стало не по себе. Прямоугольная тень, отбрасываемая домом, искажалась, напоминая абрис тела... с неправильной головой.

– Ты видела? – восторженно воскликнула она.

– Что?

«Неправильная» тень исчезла, будто слившись с тенью дома. Кто-то отступил вглубь переулка? Или все это было лишь игрой воображения?

– Давай пойдем по правой стороне, – напряженно предложила Ася.

– Как скажешь, – равнодушно отозвалась Тоня.

Проходя мимо переулка, Ася старательно вгляделась в прячущуюся между домами тьму, разбавляемую светом из окон как густой коктейль – водой. Пусто. Никаких людей с неправильными головами. Она рассмеялась, заслужив удивленный взгляд подруги.

– Я бы сказала, что ты ведешь себя странно, но кого этим удивишь? – фыркнула Тоня.

Ася шутливо ткнула ее кулачком в плечо.

Нетрудно заслужить репутацию странной девушки, когда ты – Ася Волчек. Девушка, которая носит преимущественно черное и темно-красное, увлекается гаданиями и не расстается с картами Таро. Девушка, которой с книгами куда комфортнее, чем с людьми, которая вечно витает в облаках, в своем собственном, недостижимом для других небе. Соседа мог задать ей вопрос и так и не дожидаться ответа, и неважно, сколько раз он его повторит. Пока Ася не вынырнет из океана мыслей, рядом может случиться хоть взрыв, хоть сам Апокалипсис... а она и не заметит. В детстве ее отрешенность от мира многих забавляла, но чем старше Ася

становилась, тем больше ловила на себе косых взглядов, и тем отчетливее становились перешептывания за спиной.

Одна из причин сторониться общества – его излюбленная, неискоренимая привычка судить людей за непохожесть на других.

Впрочем, Асю мало беспокоила и собственная репутация, и отсутствие друзей. Неугомонной и неусидчивой Антонины в ее жизни было так много, что та с успехом заменяла ей всех остальных.

А сама Тоня вдруг припустила вперед, как почуявшая след охотничья собака. Ася окликнула ее, но ответа не дождалась. Пару минут спустя ее одолели сомнения – а к дому ли Вики направляется Тоня? Немудрено засомневаться, когда сворачиваешь с аллеи, щедро освещенной фонарями и фарами летящих по дороге автомобилей, на улицу, чем дальше, тем больше тонущую в темноте.

Выбоины и старые пятиэтажные дома пришли на смену новеньким, будто отполированным высоткам. Потом и вовсе появился частокол разграниченных заборами двухэтажных домов. Такие участки, где лицом к лицу, без плавного перехода, сталкивается новое и старое, поражая своим диссонансом, встречаются, наверное, в каждом городе. Так отчего же Асе было настолько не по себе?

– Тоня? Ты слышишь меня? – вышло негромко и нервно.
– Антонина!

Подруга даже не обернулась. Ася резко выдохнула, отче-

го-то ожидая увидеть пар изо рта. И дело не только в том, что кончики пальцев кололо от плохого предчувствия. Было... холодно. Неправильно. Жутко.

Будто в город на пару месяцев раньше пришла зима.

Ася неуверенно оглянулась – освещенная часть улицы осталась далеко позади. Все ее естество хотело одного – повернуть назад. Но как это сделать, когда Тоня так уверенно идет вперед, игнорируя окружающий мир?

– То...

Стоило только открыть рот, и зубы заныли, будто Ася залпом выпила стакан, полный ледяной воды. Нет, это не нормальный холод, он даже не обжигает, он будто... причиняет боль. Она тряхнула головой. Ну все, так сходить с ума от безобидного отклонения маршрута уже смешно. Может, Тоня просто знает какую-то короткую дорогу? Но почему тогда не откликается?

Ася ускорила шаг, чтобы догнать подругу. Спустя полминуты, недоумевая, перешла на легкий бег, но Тоня оставалась недостижима. Как в страшном или просто странном сне, когда бежишь изо всех сил, но продолжаешь стоять на месте.

«Что-то не так».

Вердикт холодный и острый, как лезвие бритвы.

А Тоня меж тем уже спускалась с вала к реке, тихо плещущейся в темноте. Для купания река давно была непригодна, о чем красноречиво напоминал возвышающийся в нескольких метрах от Тони знак. Однако берег облюбовали бегуны

и выгульщики собак и влюбленные парочки. С этого участка земли и взяла свое начало история города – полтора века назад сюда прибыли первые переселенцы. Сейчас от почти забытого прошлого остались лишь остовы давно покинутых домов. Какие-то снесли, какие-то перестроили. Из тех, что остались нетронуты, одни пережили схватку со временем чуть более достойно, чем другие.

К одному из заброшенных домов и направлялась Тоня. Крыльцо его прогнило, окна зияли пустыми глазницами. Выбитая дверь понуро висела на одной петле, будто изрядно перебравшая дама, повисшая на плече кавалера. Тоня поднималась по ступеням – медленно, будто контролируя каждый свой шаг, и застыла в дверях. Ася задохнулась страхом, когда подруга повернулась к ней. Взгляд пустой и ничего не выражающий. Лицо мертвое, словно восковое. Потертое фото, кривое отражение, безликий отпечаток... но только не ее жизнерадостная Тоня. Один взмах ресниц – и она исчезла. Растворилась в воздухе, слившись с тенями.

«Просто зашла в дом», – стуча зубами то ли от холода, то ли от охватившего все ее нутро страха, убеждала себя Ася.

И отчего-то сама себе не верила.

Скудного лунного света было достаточно, чтобы понять – будь Тоня настоящей, она вряд ли смогла бы так быстро затеряться в глубине дома. Ася обхватила себя руками за голые плечи. Вопрос «Что происходит?» внутри нее звенел отчаянием, но задать его было некому. Здесь она одна. Наедине с

тишиной.

И вот уже с минуту Ася стояла у того самого дома, беспомощно глядя на черный провал.

Первый шаг, отозвавшийся скрипом ступени... Она вдруг увидела себя со стороны: эпизодический персонаж фильма ужасов, не продержавшийся в ленте и полчаса, светловолосая глупышка, идущая напрямик в распахнутую для нее ловушку – в заброшенный дом, где ее поджидает серийный убийца. Сценка в голове с трагичным финалом казалась такой настоящей... Однако Ася продолжала подниматься по ступеням. Потому что Тоня зачем-то привела ее сюда.

Но зачем? Неужели все это – какая-то глупая шутка, и в конце концов подруга выпрыгнет из темноты, чтобы напугать ее до чертиков? Вот только остроумная Тоня была далека от столь дурацких розыгрышей.

Одна комната, вторая, третья. Все пустые, если не считать хрустящего под ногами ковра из битых стекол. И все-таки Ася чувствовала себя здесь не в своей тарелке. Будто что-то пряталось в стенах, куталось в складки темноты и пыли. Заманивая. Выжидая.

– Тоня?

Снова ее силуэт, который Ася легко могла узнать даже в полумраке. Худенькая, как тростинка, с волосами, собранными в хвост, Тоня ненадолго остановилась перед открытой, чудом сохранившейся дверью, и снова исчезла – на лестнице, ведущей в подвал.

Ася сглотнула. Есть хоть один человек в мире, которого бы не пугали подвалы? Со всех сторон тебя окружает земля, окон нет. Ты как будто заперт в большом, не по размеру, гробу. Каждый раз, когда бабушка посылала ее в тесный погреб за банкой варенья или соленьями, Ася шла туда как на казнь. И каждый раз, спустившись вниз, ожидала, что крышка погреба захлопнется, отрезая путь на поверхность.

Она спускалась в полусне, направляемая Тоней, которая была и маяком, и цепью, тянущей ее куда-то вниз. И только шагнув с последней ступени на каменный пол, Ася поняла, что идущая перед ней Тоня снова исчезла.

Правда в том, что из каменной подземной коробки ей просто некуда было исчезать.

Ася старательно отгоняла мысли о растворившейся в воздухе подруге. В последнее время она плохо спала и часто ворочалась в постели до самого рассвета. Уставший рассудок способен на жестокие шутки. Может, все происходящее – и вовсе затянувшийся сон?

В это очень захотелось поверить, когда Ася рассмотрела место, куда ее привели. Точно не погреб с заставленными банками полками, а воплотившийся в жизнь кошмар. Круг зажженных свечей, а в центре – девушка, лежащая с закрытыми глазами.

Неужели... мертва?

Ася вскрикнула и тут же зажала рот обеими руками. Затравленно оглянулась. Что, если где-то здесь, в доме, бродит убийца? Ведь кто-то же зажег свечи!

И вновь будто, дав ей короткую передышку, началась очередная часть сна, в котором Ася самой себе не принадлежала. Она смотрела на неподвижную, словно кукла, девушку, отчаянно не желая смотреть, и подходила все ближе, мысленно умоляя себя остановиться. Протянула руку. Необъяснимое желание коснуться щеки незнакомки затмило все ее мысли, стало единственной целью существования. Казалось, или она коснется ее, или... умрет.

И она коснулась.

Плоти под ее пальцами не было – только дымка, прильнувшая к руке. Только пронзивший до самой кости адский холод. Только ощущение, что ее выворачивает наизнанку, словно внутри все ломается и срачивается снова.

То, что случилось дальше, заставило ноги Аси подкоситься. Девушка с миловидным лицом, слишком живая для мертвой, исчезла. На смену ей пришла жуткая утопленница, чья кожа посинела и, кажется, в любую минуту была готова соскользнуть с костей. Но хуже всего была ее кривая, вывернутая сильным ударом шея. Желудок Аси подкатил к горлу, и ее едва не вывернуло прямо на бетонный пол.

Тошнота исчезла, как только сменился кадр – будто замененная в стереоскопе пластина. Там, среди свечей, очерчивающих круг, в центре которого лежали то девушка-дым, то

жуткая утопленница, теперь была она, Ася.

Ее повело в сторону, ноги подкосились. Чтобы удержаться на них, ей пришлось ухватиться рукой за стену. Холодную, будто покрытую невидимым, но осязаемым льдом. А затем видение, так похожее на нее, исчезло. Будто кто-то, вздумавший напугать Асю до потери пульса и понаблюдать из темноты за ее реакцией, пресытился представлением.

Занавес. Актеры расходятся. В театре выключается свет. А Ася остается один на один с темнотой и пустым подвалом.

Ася наконец обрела контроль над своим телом. Трясущимися руками она вынула из перекинутой через плечо сумочки телефон и освятила включенным экраном окружающее пространство. Голые полы, обшарпанные стены, запустение и разруха. И никакого таинственного круга свечей, никаких тел – живых или мертвых. Просто старый дом, забывший, что такое – человеческое дыхание.

Ася пятилась, не отрывая взгляда от пола. Так и не скажешь, что пугало больше – признать, что она действительно видела чье-то тело или что это ей только... показалось. Напоровшись на стену позади, она глухо вскрикнула. И, развернувшись, бросилась бежать. Вверх по лестнице, к лунному свету, к людям, к Тоне. Куда угодно, лишь бы как можно дальше отсюда.

Хруст стеклянного ковра, стон прогнивших ступеней... Ася бежала с почти невозможной скоростью, ничего не видя перед собой. Адреналин кипел в крови, страх подгонял,

напряжение достигло наивысшей точки. И когда она налетела на одинокого прохожего с гордо вышагивающей впереди овчаркой, что-то внутри сломалось, порождая даже не крик, а... визг. Как у совершенно беспомощной девчонки при виде крысы.

– Вы в порядке? – обеспокоенно спросил мужчина, придерживая Асю за дрожащий локоть.

Словно боясь, что она в любое мгновение может рухнуть на песок.

Визг оборвался. Ася протяжно выдохнула, переводя взгляд с него на недоуменную такой нелепой встречей овчарку.

– Да. Нет. Не знаю. Простите.

– Ничего, – растеряннo улыбнулся он.

Ася проводила незнакомца с собакой затуманенным взглядом. Страх больше не клокотал в груди, словно крик помог сбросить с себя его путы. Освобожденной, ей бы на всех порах мчаться к свету фонарей, но что-то прячущееся в каменных стенах не отпускало. Нерешенная загадка, повисший в воздухе вопрос... Какое-то время она стояла, настороженно глядя на злополучный дом и разрываясь на части: одна ее половина отчаянно желала как можно скорее вернуться домой, а вторая пригвоздила ноги к песку.

Жуткая трель разорвала тишину и барабанные перепонки. Спустя несколько мгновений, когда сердце перестало стучать в горле под аккомпанемент несмолкающей музыки,

Ася наконец поняла, что раздается та из сумки. На маленьком прямоугольном дисплее высветилось «Тоня». Щелчок пальца по кнопке, холодное стекло, прижатое к пылающему уху, и встревоженный донельзя голос:

– Господи, ты жива?

Ася едва разомкнула челюсти – их будто намертво склеили монтажным клеем. Выдавила что-то вроде «да», прозвучавшее беспомощным мычанием.

– ...я обернулась, а тебя нет! Ты где была? Ты куда пропала? Я кричу-кричу, зову-зову, а ты как сквозь землю провалилась!

Остановить пулеметную очередь из слов было выше ее сил, потому Ася просто дождалась, когда у Тони закончится дыхание. Прикрыла глаза, чувствуя невыразимое облегчение от одного только голоса подруги. Все, что случилось... это все не по-настоящему. Не взаправду, как сказала бы Тоня.

– Я... Знаешь, мне что-то нехорошо, – виновато произнесла Ася. – Желудок прихватил, вот я и остановилась. Я, пожалуй, дома сегодня останусь. Ладно?

– Ты... – Ошарашенная Тоня явно не находила слов. – Знаешь, кто ты?

– Плохая подруга, – вздохнула она.

– Ужасающая!

Ася бросила последний взгляд на заброшенный дом и наконец сумела оторвать ноги от земли.

– Прости. Мне правда сегодня не до тусовок.

– Ладно, – проворчала Тоня. – Но знай – мое прощение еще нужно заслужить.

Пообещав сделать для этого все возможное и невозможное, Ася отключилась. Рука, убирая телефон в сумку, все еще дрожала.

Она не заметила, как добралась до дома. Родные стены принесли успокоение – закрывая входную дверь, Ася чувствовала, будто отрезает все плохое, оставляя его за порогом. Вернувшись в комнату, удобно устроилась на кровати с твердым намерением посвятить остаток вечера чтению любимой книги. Сумасбродные и немного сумасшедшие ведьмочки, регулярно устраивающие переполох в своей самой что ни на есть обычной школе – то, что доктор прописал. Только придуманная кем-то другим фантазия – и никаких безумных видений.

Но что-то мешало. Что-то, притаившееся не вокруг Аси, за окном или в комнате, а внутри нее самой. Холодное, пугающее предчувствие, тревога, не желающая исчезать.

Настойчивые мысли вгрызались в ее мозг, как черви в сочное яблоко. Проблема в том, что нормальным людям вряд ли привидится... такое. Откровенно говоря, нормальным людям вообще вряд ли что-то видится. Но может, это просто переутомление, помноженное на бессонницу и осеннюю хандру?

Глаза слипались, строчки плыли перед глазами. Тело Аси будто оцепенело – так бывает перед сном. Но то, что произо-

шло дальше, не было ни сном, ни дремой. Скорее... падением.

Долгим и мучительным падением в темноту.

Глава вторая. Верховная Жрица

КАРТА ТАРО "ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА"

Ключи: Интуиция, тайна, мудрость, душа, грядущие перемены.

Карта тайн, которые еще не готовы раскрыться, и великого потенциала, ждущего своего часа.

Все закончилось так же резко, как началось. Взмах ресниц – и она уже лежала на чем-то мягком. Кровать – но не ее. Широкая, двуспальная, с резным изголовьем, застеленная гладким шелковым покрывалом. И комната... чужая, незнакомая.

«Я просто заснула, – не слишком уверенно подумала Ася, поднимаясь с постели. – И продолжаю спать».

И если судить по событиям минувшего дня, этот сон вполне мог оказаться кошмаром.

Пока ничего не предвещало беды. Комната безлика, пушта, за окном – то ли густой дым, то ли туман странного темно-серого цвета. Телефон на прикроватной тумбочке молчал – подняв трубку, Ася не услышала ни гудков, ни шипения. Тревожная, удушающая тишина. В какой-то момент показалось, и вовсе – настороженное, даже враждебное молчание. Будто там, на другом конце трубки, кто-то был...

– Алло? – хрипло выдавила Ася.

Вздрогнула – собственный голос показался далеким и чужим. Что совсем не удивительно, ей никто не ответил. Трубка вернулась на место с характерным щелчком.

За дверью в нескольких шагах от кровати скрывалась сверкающая чистотой ванная. Не пахло ни гелем, ни мылом. Пушистые белые полотенца сухи. На зеркале ни пятнышка, на поверхности фаянсовой раковины – ни бисеринки воды. Казалось, будто ванная находилась здесь лишь для проформы, и ею никто никогда не пользовался. Вторая дверь привела Асю в более просторную комнату с двумя белоснежными диванами, стеклянным журнальным столиком и телевизором на стене.

Во всех трех комнатах не хватало следов человеческого присутствия, даже в самых мельчайших деталях. На полках не было вещей или книг, на стенах – фотографий, на столике в углу – ни чашки, ни даже отпечатка от нее. Ни-че-го. Ася подошла к входной двери, дернула ручку. Заперто.

Она могла поклясться, что дверь в четвертую комнату появилась только сейчас. Именно в это мгновение. Не просто появилась, а вылепилась в стене, прорезалась всеми четырьмя краями. Ася сглотнула, глядя на нее. Не черный провал, ведущий в таинственный погреб, простая белая дверь, но...

«Если я во сне, стоит ли чего-то бояться? Что мне, в конце концов, может сделать сон?»

Чувство тревоги, однако, не ослабевало, словно безмолвно обещая: «Многое».

Кремовые балетки прошелестели по полу. Словно недоверчивая диковатая кошка, Ася приблизилась к вылепленной в стене двери. Протянула ладонь к самой обычной, незамысловатой ручке. На мгновение показалось, что сейчас та дернется сама по себе, и дверь откроется, тая за собой новых мертвых. Будто прежних – тех, что ждали Асю в подвале, – было недостаточно.

Ручка осталась неподвижной – до того момента, пока изменить это не решила она сама. Дверь бесшумно отворилась, и мертвые, к счастью, за ней не таились. Комната, представляющая собой идеальное кубическое пространство, была пуста. Если не считать серо-каменного постамента в самой ее сердцевине. Голые серые стены, наверняка холодный – отчего-то так казалось – серый пол.

Уже без опаски Ася подошла к постаменту, и только вблизи разглядела то небольшое и прямоугольное, что находилось на нем. Лежащая вверх рубашкой – безликой, безвкусно-серой – карта, слишком большая, чтобы оказаться игровой... И слишком знакомая.

Карта Таро.

Перевернув ее, Ася увидела привлекательного молодого человека в светлой броне верхом на белом коне. В руке он сжимал золотую, сверкающую на солнце чашу.

Рыцарь кубков.

На сей раз – младший аркан. Символ чувственности, мечтательности, глубоких искренних чувств. А еще символ лю-

бой из форм любви – от платонической дружбы до романтической симпатии и крепкой привязанности, что свойственна семейным узам.

– Странно, – нахмурившись, сказала Ася.

Будто все остальное, с чем она столкнулась после пробуждения – тоскливая обыденность.

– Добро пожаловать в Туманность Пустоты, – пропел мелодичный женский голос.

Ася вздрогнула и заозиралась по сторонам. Голос был нигде и... всюду. Казалось, он прятался в самих стенах, в щелях и в темных углах. Динамики? Не похоже.

– Кто ты?

Голос молчал.

Ася со вздохом спрятала карту. Одно из главных преимуществ того, чтобы шить одежду самому – можно вдоволь снабдить юбки и платья карманами. В ее одежде им всегда находилось место.

Она вернулась в безликую пустую комнату. Новых дверей в ней – к счастью или к сожалению – не появилось. Недолго думая, Ася толкнула входную. Заперто.

– Пусти, – напряженно сказала она.

– За все приходится платить: и за ключи, и за жизнь, и за знание...

С губ сорвался раздраженный вздох. Кому бы ни принадлежал этот голос, его хозяйка оказалась особой несговорчивой. И, кажется, любящей пафос и возвышенные речи.

– Чего ты хочешь?

– Немного тепла твоего дыхания...

Ася на мгновение прикрыла глаза. Ее втянули в какую-то странную, сюрреалистичную игру, и правил не объяснили. Выхода только два: принять ее или протестовать. Но протест означал, что ей придется остаться в этой жутковатой в своей стерильности и безликости комнате... И что-то подсказывало, надолго.

В конце концов, это всего лишь сон. Чем она рискует?

– Бери, – тряхнув волосами, сказала Ася.

Едва успела договорить, стало так холодно... Не желая показывать свою слабость, она лишь крепче стиснула зубы.

– Дыши...

Ася медленно выдохнула. Подставив ладонь ко рту, успела поймать момент, когда ее дыхание из теплого стало обжигающе ледяным, как у Госпожи Метелицы.

– Ключ в твоей руке.

В зажатой ладони и впрямь оказался небольшой ключик – не из металла, а из серо-стального тумана. Пожав плечами, Ася вставила ключ в замок. Он растаял, растекся облаком дыма, которую тут же поглотило ее дыхание. Но замок щелкнул, и дверь отворилась – сама по себе.

Ася перешагнула порог.

Устланный светло-бежевым ковром коридор, узкий и длинный, по обеим сторонам – дюжина белых дверей. По углам – роскошные торшеры, на стенах – стеклянные светиль-

ники. Слишком претенциозно даже для особняка. Скорее, отель – только без номеров на дверях комнат.

Это все, конечно, прекрасно, но куда ей теперь идти?

В поисках подсказки Ася открыла первую же попавшуюся дверь. Комната была совсем непохожа на ту, в которой она пришла в себя. Более уютная, обжитая. В углу стояла роскошная белая колыбелька, ночник бросал на стены сверкающие голубым блики в форме звезд. Посреди комнаты замерла женщина с младенцем на руках. Улыбалась, светло и безмятежно, и что-то шептала своему дитя. Наверное, сыну – одеяло было бело-голубым. Ася тихонько закрыла дверь.

Открыв следующую, отшатнулась от неожиданности – рослый темноволосый мужчина с трехдневной щетиной на изможденном лице стоял, широко расставив ноги и глядя прямо на нее. Наверное, просто совпало, но у Аси холодок пробежал по коже. Злое отчаяние в глазах незнакомца делало его похожим то ли на брошенного пса, то ли на раненного волка, готовящегося отомстить за все обиды. Стоять на пути у человека с таким взглядом Асе хотелось меньше всего.

– Ты не видела мою дочь? – выдохнул он. Поднял сжатые в кулаки руки, но прежде, чем Ася захлопнула дверь, прижал их к вискам. – Она только что... только что была здесь! Я обнимал ее, но она... Она просто исчезла!

Чужое отчаяние захлестывало. Казалось, тонущий в пучине собственного горя незнакомец пытался утянуть ее с собой на дно. Ася замотала головой.

– Простите, я... Я тут недавно...

Он обхватил ладонями голову и то ли зарыдал, то ли заревел. Ощущение неправильности происходящего и ее неуместности здесь гнало Асю прочь. Прочь от этой комнаты, от этого мужчины, чье горе настолько всеобъемлюще, что поневоле забываешь, что все происходящее – просто сон. Станный и очень долгий.

Ася не нашла в себе смелости или нахальства захлопнуть дверь, потому просто ушла. Так быстро, как могла, и так далеко, чтобы заставить вой, полный внутренней боли, утихнуть.

Перед следующей дверью она помедлила, но в конце концов все же нажала на ручку. Что если здесь окажется что-то похуже счастливой матери и горюющего отца? Однако эта мысль – да и все прочие мысли – вылетела из головы со скоростью ветра, когда Ася увидела то, что скрывала непримечательная белая дверь.

У самых ног плескалась вода. Нет, не та, что перелилась из ванной, когда кто-то забыл повернуть кран. Прозрачная лазурная вода, которая мягко ластилась волнами к берегам, а у порога, ведущего в коридор отеля, обрывалась так резко, словно ее, как ломоть хлеба, отрезали острым ножом.

На белом песке у самой кромки воды под солнечными лучами нежилась девушка с длинными ногами – предметом зависти любой модели из «ангелов» Victoria's Secret. Жительница странной комнаты, которая на комнату была похожа

как лев на милого домашнего котика, на Асю внимания не обращала. То ли очки в пол-лица были тому виной, то ли закрывающая обзор широкополая шляпа, то ли обычное нежелание замечать чужаков в ее личном раю, будто арендованном прямиком у продакшн-студии, снявшей рекламу «Баунти». Какая-нибудь популярная среди европейцев Аруба, экзотический Боракай или заезженное Бали?

Пальм Ася не наблюдала, а вот гамак, которому загорающая незнакомка предпочла горячий песок, имелся. На заднем плане – что-то вроде бунгало. Вместо белой побелки или натяжных потолков – голубое небо в рваной вате облаков.

Ей оставалось только качать головой. Тоня на этом моменте точно протянула бы что-то вроде сверх меры озадаченного: «Ну оке-е-ей». Держась рукой за дверной проем, Ася наклонилась к воде и осторожно, будто боясь обжечься, дотронулась до нее кончиками пальцев. Ну что сказать... Мокрая.

И даже солнце здесь палило по-настоящему – как только рука оказалась за пределами коридора, кожу тут же запекло.

Со стороны бунгало показался высокий молодой мужчина в расстегнутой настежь рубашке. Он протянул девушке на белом песке стакан с венчающим его пляжным зонтиком и ярко-оранжевым коктейлем. Сказал что-то, и она рассмеялась – легко, безмятежно, как смеется человек, у которого впереди бесконечное лето.

Поглощенные друг другом, влюбленные Асю не замечали. Казалось, их мир сузился не просто до кусочка остров-

ка, неведомым образом втиснутого в границы комнаты отеля. Казалось, они друг для друга и были всем миром. Единственно важной его составляющей.

Этим двоим было очень хорошо вместе. А она... она была третьей лишней.

Еще в одном номере красивая девушка в вечернем платье все танцевала и танцевала со своим кавалером. Вокруг все как будто в расфокусе. Стоящие поодаль люди смазаны, неразличимы, словно и сама Ася находилась в постоянном движении, неспособная разглядеть черты их лиц.

Остальные комнаты – Ася открывала их одну за другой, гадая, какие еще сюрпризы преподнесет ей сон – оказались пусты. За окном клубился знакомый дымчатый туман, вероятно, и давший название этому месту. В глаза бросилась и похожесть обстановки. В каждой комнате расположение мебели было идентичным первоначальной, из-за чего возникало ощущение, будто Ася оказалась в кукольном домике. И решить бы, что она находится в обычном отеле, вот только увиденные ею жилые номера никак не вписывались в эту картину.

Что ее по-настоящему нервировало, так это мертвая, какая-то пластилиновая тишина, острой бритвой режущая нервы. Из-за нее даже собственное дыхание казалось слишком громким.

В самом конце коридора обнаружился лифт, но кнопка вызова на прикосновения не отзывалась. Ася толкнула со-

седнюю дверь. Так и есть – лестница. А за ней – единственный лестничный пролет, который закончился дверью с цифрой «4», видимо, обозначающей этаж. Она подергала ручку. Заперто.

Именно в это мгновение Ася со всей отчетливостью поняла, что отель так просто ее не отпустит.

Ася закусила губу. Заколдованный, проклятый отель...

Не вспоминать горный отель «Оверлук», хранящий в своих стенах темные тайны, было выше ее сил.

– Открой дверь! – потребовала она.

– Ты знаешь плату...

Ася застонала. Так нечестно!

«А может ли затерянная в кошмаре игра вообще быть честной?»

– Черт с тобой! Забирай!

Незнакомка довольно рассмеялась – серебряные бусины, рассыпанные по мраморному полу. А потом стало холодно и больно. Еще холоднее и больнее, чем в прошлый раз. Захотелось опуститься по стене на пол и, обхватив колени, умиротворенно закрыть глаза. И сидеть так. Возможно, вечно.

Ася дернулась как от пощечины.

«Это неправильно. Не знаю, что невидимка делает со мной, но это неправильно. С чего вдруг кому-то хотеть остаться в собственном сне?»

Она заставляла Асю этого желать.

– Кто ты?

Простую фразу удалось произнести не сразу. Губы словно оледенели.

– Если хочешь, считай меня хозяйкой этого отеля, – промурлыкала незнакомка. – Но к дьяволу расспросы. Знай – мои ключи открывают далеко не все двери.

Ася пропустила ее слова мимо ушей. Главное, что ключ – шанс выбраться на свободу – у нее... Она вставила его в замок. Едва провернувшись, ключ растворился, словно кусочек льда в теплых ладонях. Ася толкнула дверь (та открылась неестественно бесшумно) и оказалась на очередном этаже. А рядом – пустая стена.

Выход на лестницу обнаружился в противоположном конце коридора. Внизу – еще одна закрытая дверь... с нарисованной на ней четверкой.

– Да ты, должно быть, издеваешься, – процедила Ася.

Показалось, или где-то прозвучал отдаленный смех?

И что ей теперь делать?

– Тепло, – пропела незнакомка, будто подслушав ее мысли, – у тебя еще много тепла... Слишком, слишком много.

Ася упрямо тряхнула головой.

«Не отдам я тебе свое тепло, – хмуро подумала она – на случай, если таинственная незнакомка слышит ее мысли. – Даже не надейся».

Пусть все происходило в ее собственном подсознании, за-

ключать новые сомнительные сделки она не собиралась. Ей не нравилась идея отдавать кому бы то ни было тепло своего дыхания... что бы это ни значило. А тем более, пустоте с мелодичным голосом. Где гарантия, что после того, как незнакомка заберет ее тепло, Ася проснется? Что, если она уснет навсегда? Заплутает в собственном кошмаре, в лабиринте своего подсознания, и никто снаружи не сможет до нее достучаться?

Асе ничего не оставалось делать, как подняться на самый верх. И с мрачным изумлением обнаружить на двери все ту же злополучную четверку. Итак, в ее распоряжении два этажа отеля... два четвертых этажа. Неужели никто из его постояльцев не знает, как отсюда выбраться?

Одну за другой Ася открывала расположенные по обеим сторонам коридора двери. В то время как пустые комнаты были сотворены будто под копирку, жилые отличались друг от друга настолько, насколько это вообще возможно.

В какой-то момент Ася вдруг поняла, что застряла здесь. И если Туманность Пустоты – порождение ее собственного разума, то там, за гранью сна, она сейчас ничем не отличается от людей, полностью утративших связь с реальностью. Если она не выберется отсюда, то станет одной из тех несчастных безумцев в психиатрических больницах, лепечущих себе что-то под нос и не реагирующих на происходящее. Может, их сумасшествие было куда глубже, чем казалось остальным? Может, в этот момент они находились в

своем собственном мире, спрятанном под черепной коробкой?

Поднявшийся откуда-то из глубин ледяной страх сжал горло холодными пальцами. Подавшись вперед, Ася хватала ртом воздух, пила его мелкими, частыми глотками, и никак не могла напиться. Паническая атака? Во сне?

Ася ничего уже не понимала. Сейчас она отчаянно хотела лишь одного. Проснуться.

Заставив себя сделать протяжный вздох, она толкнула дверь комнаты. Все та же, уже давно набившая оскомину, обстановка. Кроме одной детали, белеющей на тумбочке у кровати, словно лебединое перо. Чуждым здесь элементом оказался обычный листок – похоже, вырванная из чьего-то дневника страница. Почерк мелкий, буквы неровные – казалось, рука у пишущего дрожит.

«Здравствуй, любимый.

Не знаю, как в моей руке оказался дневник и ручка. Или не помню, или это произошло в один миг. Взмах ресниц – и вот уже передо мной чистый лист. Взмах – и я пишу, захлебываясь в словах, торопливо выплескивая их на бумагу.

Страх. Растерянность. Одиночество. Вот что мной движет.

Кажется, будто я очень долго спала. А потом что-то изменилось. Во мне. Внутри меня. Я проснулась. В нашем доме... рядом с моим мужем. Но тот Костя, что сидел напротив меня

– не ты, хотя у него твои черты и твой голос. Он улыбался мне – как ты. Он называл меня любимой и целовал мое лицо, и его рубашка пахла подаренным мной одеколоном. А потом все повторилось снова.

Один и тот же диалог, заученные наизусть реплики. Я не хотела быть рядом с ним – он обман, он статичен, как картинка. Но я запуталась. Он ушел, не простившись, и мне стало больно и одиноко – словно сердце, еще бьющееся, вырвали из груди. Он ушел целую вечность назад, а настоящий ты так и не появился.

Почему, милый?

Передо мной – накрытый стол с зажженными свечами. Державю... Я помню этот день.

Чудесный ужин. Свечи, вкусное мясо, сладкое вино. Мы одни в нашем доме. У нас годовщина, пять лет, но мы не захотели идти в ресторан. Потом, уже ночью, решили поехать на наше место. В парк, где мы познакомились.

Помнишь, любимый? Ты подошел ко мне тогда и сказал, что никогда не видел такой красоты, что ничто прежде, кроме самой природы, тебя не вдохновляло. Ты хотел нарисовать меня, хотя прежде рисовал лишь пейзажи. Я сторонилась таких стихийных знакомств – на улице, на глазах у чужих людей, но тебе почему-то назвала свое имя.

Ты признался, что пинешь лишь несколько месяцев. До этого ты мечтал стать признанным музыкантом, а еще раньше – перевернуть весь мир, написав гениальный роман. Ты

загорался одной идеей, а спустя какое-то время разочаровывался в ней и все бросал. Но продолжал искать – себя и свое место в этом мире, не останавливаясь и не жалея об ошибках прошлого.

Твои картины оказались чуть менее чем ужасны. Но к тому времени, как я увидела их, это стало абсолютно неважным. Твоя импульсивность, твоя страсть к прекрасному и отчаянное желание это прекрасное запечатлеть, твоя вдохновенность – то, как горели твои глаза, когда ты говорил об очередной своей страсти... Все это меня покорило. Я хотела и дальше тебя узнавать. Я бы даже стала для тебя музой – если бы ты только смог остановиться хоть на чем-то одном.

В машине мы включили нашу музыку – под нее мы впервые танцевали медленный танец. Последнее, что я помню, как напевала, с улыбкой глядя на тебя.

Но правда в том, что это было давно. Почему же я оказалась в прошлом? Почему я оказалась одна, без тебя? Где ты, Костя?

Пишу тебе в пустоту, но надеюсь, что пустота откликнется.

С любовью, твоя Вера».

Ася медленно выдохнула. Письмо, полное нежной горечи, походило на исповедь пленницы Туманности Пустоты, на ее прощальные строки... Что стало с ней? Выбралась ли она отсюда?

Что-то менялось... Не вокруг Аси – отель казался незыблемым, несокрушимым, словно гора Рорайма. Вдруг нахлынуло ощущение, что ее затягивает невидимый водоворот, что подхватывает в воздух невидимое цунами. Тело Аси распалось на миллиарды атомов. Брошенные вниз, в небо, они смешались со звездами.

А потом чья-то рука снова собрала ее воедино. Ее слепили заново и оживили – будто выточенную из слоновой кости Галатею.

Последней мыслью Аси была безумная – но не более чем все происходящее в этот сумасшедший день – мысль: «Интересно, во мне теперь будет чуть больше звезд, чем прежде?»

И с этой мыслью она проснулась.

Глава третья. Императрица

КАРТА ТАРО "ИМПЕРАТРИЦА"

Ключи: Энергия рождения, любовь, красота, наслаждение, забота.

Карта творческой жизненной силы, воплощения задуманного в материальной форме и гармонии.

Обычно тревожные сны теряют свою силу днем. Как будто солнечный свет разъедает их тьму, стирает их, обнуляет. Свежий утренний воздух, подернутые багрянцем и золотом листья деревьев, которые вот-вот облетят, и льющееся в окно солнце – хорошая терапия, чтобы очистить разум и успокоиться. Но, как оказалось, не одна только ночь способна на неприятные сюрпризы.

Все утро Ася была занята домашними делами: закинуть одежду в стирку, убрать квартиру, приготовить еду, чтобы хватило хотя бы на половину недели. Беда в том, что и уборка, и готовка, занимая руки, оставляли слишком много пространства для мыслей. Ася из всех сил старалась не думать о странном сне, однако строки из письма таинственной Веры упорно вставали перед глазами. Каково быть женщиной, потерявшей все в одночасье? Каково очнуться и понять, что ты мертва, что твоя прежняя жизнь – где-то там, за гранью, а все, что тебе осталось – лишь ее осколки? Осколки памяти...

Покончив с наведением чистоты, Ася решила отвлечь себя другим, хорошо известным ей способом. Домой она возвращалась с отрезом атласной ткани розовато-персикового оттенка и узкой полоской кружева ей в тон. Работая над новым нарядом, от выкройки до готового изделия, Ася никогда не позволяла себе отвлекаться. Она всецело сосредотачивалась на том, что именно делала в тот или иной момент. Вырезала ли по лекалам части будущего платья, сшивала ли их воедино или колдовала над обтянутыми тканью пуговицами, в ее голове в этот момент царила безмятежная тишина. Шитье было ее личной, пусть и не самой распространенной, медитацией.

Придержав дверь бабушке с внушительного вида котомкой, Ася впорхнула в родной подъезд. Понадобилось преодолеть всего два пролета, чтобы реальность стала зыбкой и неправильной. Чтобы она начала искажаться.

Окна исчезли. Вокруг Аси выросли глухие стены, окрашенные в ровный темно-серый цвет. Кто-то невидимый прямо на ее глазах вывел на них: «Беги». «Спасайся». «Прячься». Вывел красной краской, настолько похожей на кровь, чтобы вызвать во рту металлический привкус.

Пакет, шелестя, выпал из рук.

В самих словах, несмотря на подтекст, Ася не видела чего-то ужасающего. И даже не вид крови – если это вообще была кровь – ее напугал. Остекленеть ее заставило ощущение беспомощности. Кажется, она потеряла всякое понима-

ние, где кончается сон или видение, которое можно к нему приравнять, и начинается реальность.

Наваждение схлынуло, словно волна, лизнувшая берег. Забрало с собой серый и красный, обнажив стены когда-то красивых пастельных тонов, сейчас изрисованные и испи-санные с фирменной маниакальностью скучающих подростков.

Ася помотала головой, невольно вспомнив мультяшного персонажа, со всего размаху столкнувшегося со стеной.

Что это было? Предупреждение?

Некстати вспомнилось, что в том доме она видела собственное тело. Мороз пробежал по коже. Вот только никаких сверхъестественных странностей вроде дара предвидения за восемнадцать лет за ней не наблюдалось. С чего бы им проявиться сейчас?

Верховная Жрица. Предвестник скорых перемен. Считать ли таковым странный сон и загадочно появившиеся и таинственно исчезнувшие надписи кровью в подъезде? Ася шумно выдохнула, невольно опершись о грязную стену. И только чуть овладев собой, подхватила пакет и поднялась в квартиру.

Работа над платьем не задалась с самого начала. Слишком сильный отпечаток на нее наложило увиденное. Чем бы оно ни являлось. Дрогнувшая рука с зажатыми в них ножницами лишила Асю куска хорошей ткани, а платье – струящегося шлейфа. Несколько швов получились кривыми, чего с ней

не случилось уже давным-давно, с ее самых первых шагов в шитье.

– Проклятье, – выпалила Ася в тишину квартиры.

Ругалась она нечасто. Платья портила и того реже.

Пришлось неохотно отложить шитье до лучших времен – вероятно, тех, когда ее мысли не будут заняты чем-то странным или и вовсе сверхъестественным. Ася позвонила маме, как никогда желая убедиться, что у нее, застрявшей в чужом городе по работе, все в порядке.

Или желая, чтобы кто-то убедил в этом ее саму.

Недолгий разговор прогнал львиную долю тревоги, хотя о случившемся маме Ася, конечно же, не сказала. Просто была рада услышать ее голос. Следующей на очереди была Тоня, однако трубку подруга так и не взяла. То ли проводила время с очередным ухажером, то ли и вовсе безбожно спала.

Вздохнув, Ася села за старенький компьютер. Может, сама вселенная намекала, что воскресный день – самое подходящее время, чтобы собрать материал для курсовой? К тому же тему она выбрала весьма любопытную, на свой, несколько специфический вкус: «Эзотерические учения в современном мире».

Изучение трудов по алхимии, мистической каббале и, уж тем более, тарологии – оказалось невероятно увлекательным занятием. Одна из причин, по которой Ася и решилась поступать на не самое престижное религиозоведение – вместо юридического или экономического, например. Ей нравил-

ся флер загадочности и одновременно некой масштабности, окружающий эту науку. Ни в какой другой Ася не чувствовала бы себя как в родной стихии.

Тоня перезвонила, когда на город уже опустился вечер. Ася была рада ее звонку. Ее лучшая подруга – именно тот человек, который способен парой фраз вытянуть кого угодно из болота затяжной хандры. Так и вышло: она и опомниться не успела, как на полном серьезе обсуждала будущий подвечный наряд Антонины. Без привязки, впрочем, к конкретному торжеству с каким-нибудь конкретным парнем. Тоня просто хотела роскошное («но элегантно», «но при этом шикарное») платье, непременно сшитое руками Аси.

Оставшаяся часть разговора была посвящена стенаниям Тони. Она уже не первую неделю страдала, что парни из их института и в подметки не годились ее любимому корейскому актеру. Ася до сих пор не могла запомнить его имя – даже для того, чтобы польстить подруге. В какой-то момент Тоня заподозрила, что Ася просто подставляет вместо его имени рандомные слоги. Что, на самом деле, оказалось не так далеко от истины. Нужные слоги в верном порядке по какой-то причине просто отказывались помещаться у Аси в голове.

Непринужденная болтовня была именно тем, чего ей сейчас так не хватало. Ася засыпала с восхитительно пустой головой, которую волшебным образом покинули все тревоги. Но за спеленавшим ее безобидным сном скрывалось что-то такое... Ощущение, будто плаваешь в мелководье, еже-

минутно касаясь пальцами ног дна, а потом тебя затягивает вниз, в темные, пугающие глубины. И, выплывая на поверхность, ты понимаешь, что дрейфуешь уже в океане.

Ася открыла глаза, почти уверенная, что увидит перед собой зеленовато-голубые волны – настолько реальным казалось ощущение, которому она, подобно скульптору, придала форму. Однако увидела она безликий до сводящей челюсти зевоты отель.

– Это только сон, – хрипло прошептала Ася.

Она обнаружила себя стоящей посреди комнаты – возможно, именно той, на которой вчерашний сон и закончился. Листка на тумбе, правда, уже не было. Один из карманов вчерашнего же платья оттягивало что-то почти невесомое. Рука нырнула туда, чтобы мгновением спустя выудить на свет карту с безликой рубашкой. Перевернув ее, Ася задумчиво воззрилась на Рыцаря Кубков.

«Кто ты? Друг или... возлюбленный?»

Первый шок от попадания в тот же самый сон прошел, и она, сжимая в руках карту, хохотнула. Если ей и встретить свою любовь, так только во сне.

Нет, она не была циником – что бы там ни говорила Тоня, называя подругу полным своим антиподом. Просто не считала важным заводить отношения в восемнадцать. Пусть даже и первые свои отношения. И да, стоило в очередной раз признать – не сильно сторонилась подпускать к себе посторонних людей. Что значило – всех, кроме мамы и Тони.

Покачав головой, Ася убрала карту в карман и направилась вперед по коридору. Звук, доносящийся откуда-то спере­ди, заставил ее замереть на месте. Наклонив голову, Ася прислушалась. Приглушенный шепот – странный, но далекий в своей странности от потусторонних и словно бы расщепленных на множества голосов, которыми в фильмах на­граждали призраков. И все же отчего-то не менее жуткий.

В первое мгновение, скользнув взглядом по белой стене и увидев в самом вер­ху, у потолка с лепниной, паутину, Ася не насторожилась. Однако недоумение и ощущение некой не­правильности догнало ее уже пару секунд спустя. Паути­на... здесь? В этом царстве безликости, выверенного совер­шенства и идеальной чистоты, что порой почти одно и то же?

Ася прошла еще несколько шагов, прежде, чем догадалась вскинуть голову. Сердце тревожно екнуло – паутины под по­толком стало намного больше. Идти вперед как-то расхо­телось, а путь, оставленный за спиной, она прошла еще в предыдущем сне. Ася протянула было руку к двери одной из комнат... Словно выцветшая, истонченная лоза, ту стре­мительно обьяла паутина. Ася вскрикнула, брезгливо отшат­нувшись.

И угодила спиной в паучьи силки.

Она дернула рукой, и паутина со странным треском, необъяснимо напоминающим приглушенный стон, порва-

лась. Ошибкой было по инерции махнуть рукой в обратную сторону. Узкий рукав снова прилип к паутине. Ее нити оплели запястья – и впрямь словно виноградная лоза. Правда, сверхъестественно крепкая... и липкая.

Ася дернулась всем телом, и снова без толку. Пути ее не пускали. А шепот – тот самый странный шепот – раздался снова.

– Крепче... Кре-е-епче...

Пути сжимались все туже. Нежную кожу запястья прострелила боль, как бывает, наверное, когда перетянешь веревками руки. Но хуже всего было ощущение беспомощности. Что-то приближалось к Асе, она чувствовала это кожей. Что-то, издающее шепот. Что-то, не желающее выпускать свою жертву из силков. Из отеля. Из этого сна.

Кровь в венах, казалось, заледенела, хотя в висках с силой бил пульс.

– Помогите, – хрипло сказала Ася. – Пожалуйста.

Она никогда никого не звала на помощь. Может, потому мольба получилась столь тихой и... неестественной. Она словно украла эту фразу из какого-то фильма. Несостоявшаяся актриса. Добыча паука.

Мысли путались, склеивались и рвались.

– Какая милая мышка, и так трогательно просит о помощи... Вот только помощь не придет...

Паутина стянулась туже, до ослепляющей боли. До ослепляющей мысли: Ася навеки останется в ее тисках.

Страх помог преодолеть неловкое ощущение, что она подражает персонажу какого-то фильма.

– По... – уже громче начала Ася.

На этот раз договорить она не успела.

Что-то со свистом рассекло воздух у ее уха, а вместе с ним – и часть прозрачных и липких пут. Это она поняла по противоестественному, слишком человеческому стону, который издала паутина. Или стон принадлежал той, что открыла на Асю охоту?

Паутина рассыпалась в белую труху, опадая на платье Аси. Впрочем, и черт с ним, с платьем, только бы вырваться отсюда... Ее желание сбылось несколько мгновений спустя, когда клинок из сияющей белой стали нашинковал паутину, разрезав ее на мелкие клочки.

Та, что еще совсем недавно вкрадчиво шептала, глядя, как добыча все больше запутывается в ее сетях, теперь вопила нечто нечленораздельное. А потом голос так же внезапно затих. Оборвался, словно отрезанный тем же клинком.

В поле зрения Аси наконец появился ее спаситель.

Светлые волосы, разделенные на косой пробор, падали ему на лоб, закрывая часть брови. Ася никогда не любила блондинов, и особенно – клишированно голубоглазых, словно они сами были виноваты в том, что природа при их рождении решила слишком не мудрить и выбрать один из популярных шаблонов.

Вот только в присутствии этого блондина оказалось уди-

вительно легко забыть о собственных предпочтениях. То ли дело в спокойствии, что плескалось в глазах незнакомца, и, несмотря на молодость, граничило с мудростью. То ли – в выразительности и некоем благородстве его черт. Ася очень надеялась, что дело совсем не его в фигуре – высокой и широкоплечей, на которую она, обладательница роста «метр пятьдесят с хвостиком» взирала почти с благоговением.

И, конечно, снизу вверх.

– Ты в порядке? – негромко, но веско спросил он.

– Да, я... М-м-м... В порядке.

Боже. Да что это с ней? С каких пор для нее стали испытанием простейшие фразы? Ася преувеличенно энергично начала стряхивать с платья ошметья паутины. Исподлобья она изучала наряд незнакомца. Идеально подходящий для выпускного и состоящий из белой рубашки и темных брюк, тот сильно контрастировал с мечом, зажатым в его ладони. В глаза бросилась и другая странность, хоть и чуть менее впечатляющая: и брюки, и рубашка были идеально отглажены и безупречно чисты.

Впрочем, не только она изучала незнакомца, но и он изучал ее, и от его внимательного взгляда становилось как-то не по себе. Но не так, как Ася чувствовала себя, спускаясь в подвал вслед за Тоней.

– Ты... другая, – проронил он.

Чем, конечно, окончательно спутал все ее мысли.

– Другая?

– Непохожая на остальных.

– Остальных?

Судя по усилившемуся жару на щеках, Ася покраснела. Она что, так и будет повторять за ним каждую фразу, словно попугай?

И все же кем были эти остальные, и чем она отличалась от них? Впрочем, спрашивать она постеснялась. Иначе звучало бы так, словно она напрашивается на комплимент.

– Кажется, я очень долго спал, – вдруг задумчиво сказал ее спаситель. – А потом я услышал твой зов.

Ася удивленно вскинула на него глаза. «Услышал твой зов»... Ни один из ее знакомых не построил бы фразу таким образом.

– Тебя разбудил мой голос? – переспросила она, смутившись еще больше. – Но я ведь даже не кричала. Не смогла.

– Но я все равно услышал бы, – тихо отозвался он. – Даже за тысячу миль.

Его пронзительно голубоглазый взгляд, обращенный на нее, выбивал почву из-под ног. Но зачем он так? Неужели намеренно ее смущает? Почему вообще говорит так, будто они знают друг друга десятки лет?

«Ради бога, Ася, приди в себя. Это же сон».

Тогда все встало на свои места. И до странного человеческие стоны паутины, и неожиданный спаситель, явившийся словно из ниоткуда, и его странные речи. Но ведь Ася с самого начала знала, что все происходящее – просто сон, хоть

и весьма... неординарный. В какой момент она позволила себе забыть?

Страх – и, быть может, инстинкт сохранения – вытеснил прочие чувства. Страх... и появление незнакомца.

Ася представила их двоих со стороны. Она, в этом нежном платье персикового цвета напоминающая принцессу. Он, ее защитник с мечом наперевес. Ни дать ни взять, настоящий рыцарь. Не хватало только коня... И кубка.

«Друг или возлюбленный?» – ехидно спросил внутренний голос, отчего-то подозрительно похожий на голос Тони.

А он все смотрел на нее этим своим взглядом – пронзительно-пронзающим и лишаящим опоры.

– Кто ты? – выпалила Ася, снова забываясь.

– Кто я? – Незнакомец задумался. – Странный вопрос. Я не знаю. Никто никогда не спрашивал у меня о таком.

– Обычный вопрос, – нахмурилась она. – И ответ на него очень простой. Просто назови свое имя.

– Научи меня. Я готов стать твоим учеником. – На лице незнакомца появилась лукавая улыбка. – Кто ты?

Наверное, не стоило поддаваться на эту маленькую провокацию. Но Ася, не в силах оторвать взгляда от улыбки, которая делала лицо незнакомца совсем юным, поддалась.

– Я – Ася Вол-чек. – Пришлось произнести по слогам, чтобы ее необычную фамилию он точно расслышал верно.

– Волчок. – Незнакомец разулыбался. – Красивое имя.

– Волчек, – настаивала Ася.

Он, кажется, не услышал. Улыбка пропала, взгляд сделался задумчивым.

– Я не помню своего имени, – наконец тихо признался он. Ася на мгновение оторопела.

– Как так?

Она снова вспомнила, где находится. Почему-то сегодня приходилось постоянно себе об этом напоминать.

– Так не годится, – негромко сказала Ася. – Я буду называть тебя Рыцарь, ладно?

– Рыцарь... – В его голосе послышались теплые нотки. – Мне нравится.

Она невольно улыбнулась в ответ.

Чуть помедлив, Ася продолжила путь по коридору. Но теперь она была не одна.

– Ты знаешь, что это за место? – тихо спросила она, боясь звуками собственного голоса призвать невидимую Арахну.

Рыцарь, идущий по правую сторону от нее, помотал головой.

– Я мало что помню. О себе. О мире.

«Все верно. Ведь ты – порождение моего сна».

Защитник, вовремя пришедший на помощь. Вероятно, именно в тот момент, когда пусть и странный, и повторяющийся, но безобидный сон начал стремительно сменяться кошмаром.

Но что же другие? Та влюбленная парочка или отец, потерявший дочку? Впрочем... и в самые логичные сны порой

проникали чужеродные элементы. Может, и теперь постаралось ее подсознание? Когда-то услышанный разговор, мельком брошенная кем-то фраза... В ее снах они воплотились в полноценные образы.

Правда, это никак не объясняло, почему сон выходил столь долгим и подробным, и почему наутро Ася могла вспомнить его в мельчайших деталях. Впрочем, это справедливо для первого сна. Никто не гарантировал, что она вспомнит этот.

Взгляд ее снова предательски скользнул по фигуре Рыцаря. Хотела бы она вспомнить... К щекам прилила кровь, и Ася смущенно отвела взгляд. Может, хватит думать и вести себя как легкомысленная девица?

Ее мысли, пусть и не сразу, вернулись в привычное русло. Она совсем забыла об еще одной детали прежнего сна – письма загадочной Веры своему Константину. Ее что, тоже придумало Асино подсознание? Но о чем это должно было ей сказать?

Все это время они шли по коридору в полнейшей тишине, нарушаемой лишь звуками шагов. Рыцарь не спрашивал, куда они идут или что Ася собирается делать. словно актер массовки в сюрреалистичной постановке, он воспринимал все происходящее как данность.

Рыцарь нарушил тишину лишь единожды, участливо спросив:

– Ты не устала?

– Устала... идти?

Он кивнул. Ася недоверчиво хмыкнула. Кажется, или он немного перегибал палку? Или... нет? Все же ей, положила руку на сердце, была приятна его забота.

– Если хочешь, я могу взять тебя на руки, – предложил Рыцарь.

Глаза Аси расширились. Нет, он совершенно точно перегибал палку.

И все же на короткий миг было приятно представить, как его руки – непременно натренированные, крепкие и сильные, по заветам всех любовных романов – бережно подхватят ее. Как ее собственные обовьются вокруг его шеи. Ася уткнется в грудь Рыцаря, наверняка пахнущую чем-то вкусным, но ненавязчивым. Нет, это будет не одеколон. Может быть, запах леса... Хотя откуда здесь лес?

«А ты мечтательница, Ася», – в ее собственном внутреннем голосе звучало удивление.

Она никогда не замечала за собой подобных мыслей. Во всяком случае, не в отношении знакомых ей мужчин. Как оказалось, Рыцарь воспринял ее молчание за согласие. И уже шагнул было к ней, чтобы подхватить на руки. Ася, порозовев до кончиков волос, практически отпрыгнула в сторону.

– Не надо, я... сама, – пробормотала она, отворачиваясь, чтобы Рыцарь не заметил ее пылающих щек.

И пылающей внутри надежды, что однажды она все же узнает, пахнет ли от него лесом или чем-нибудь еще... Быть

может, в один из следующих снов?

Какое-то время они шли молча.

– Быть не может, – прошептала Ася, глядя прямо перед собой.

Рыцарь вскинул бровь. Мимолетно тронув его за плечо, Ася бросилась в открытую дверь. Каким-то чудом ее задумчиво скользящий по окружающему пространству взгляд выцепил знакомую деталь – белеющий на тумбе в комнате прямоугольник бумаги.

Ася знала, что ее ждет. И не ошиблась.

«Свечи... Они не гаснут.

Я вижу цветы, которые ты подарил мне на годовщину. Но тебя нет. Я одна. Я совершенно одна. Все часы в доме остановились, и я не знаю, сколько уже сижу вот так. В тишине. В неизвестности. Телефон не работает – я ни до кого не могу позвониться.

Я боюсь смотреть в окно. То, что я там вижу, не может быть реальным. За окнами моего дома туман – серый, словно пепел. Он пугает меня. В нем есть что-то не просто плохое и не просто пугающее, а живое. Я все жду, когда туман протянет свое щупальце и разобьет окно. Пока стекла будут падать на ковер, щупальце потянется ко мне. И... Что будет дальше? Я не знаю. Оно задушит меня. Или заберет меня с собой. К себе.

В туман.

Мне страшно. Костя, как же мне страшно. Я чувствую себя нежным цветком, у которого украли солнце и оставили увядать в темноте.

Вернись, прошу.

Я жду тебя. Здесь, в этом мертвом доме. И всегда буду ждать.

С любовью, твоя Вера».

Отчаяние Веры передалось и ей самой. Ася стояла, сжимая письмо в руках и прерывисто дыша. Боль и одиночество пленницы иглами вонзались в сердце. Сколько ни убеждай себя, что и она – всего лишь греза.

Сон стремительно таял – настала пора возвращаться. Каким-то образом Рыцарь понял это. Растерянно обернулся к ней.

– Ты уходишь?

– Ухожу, – сказала Ася слабеющим голосом, с каждым мгновением теряя контроль над телом.

И над сном.

– Я буду ждать тебя, слышишь?

Последнее, что увидела Ася, исчезая – печальный взгляд рыцаря, теряющего свою принцессу.

Глава четвертая. Мир

КАРТА ТАРО "МИР"

Ключи: Завершение, целостность, познание мира, путешествие, познание законов мироздания.

Карта символизирует завершение одного этапа перед началом другого, включающего и внутреннюю трансформацию.

Дорога до института прошла в беззаботной болтовне с Тоной. О странностях двух последних дней, включая стены с кровавыми надписями, Ася предпочла промолчать.

Но она помнила и последний свой сон. И загадочную паучиху (или же ведьму пут), и прячущуюся в чернильных строках (или сотканную из них) Веру. И, конечно, воплощенного Рыцаря Кубков.

«Я бы услышал тебя. Даже за тысячу миль».

«Я буду ждать тебя, слышишь?»

И Ася, вопреки всем законам логики, будет ждать новой встречи с ним.

Она ничего не знала о герое своих сновидений, а одной благодарности за спасение от кошмара мало, чтобы по-настоящему проникнуться к нему симпатией. Но его окружала аура такого невероятного спокойствия... Интересно, именно это ощущали девушки, говоря: «За ним, как за каменной

стеной»?

Ася шумно выдохнула, заслужив недоуменный взгляд То-ни.

«Это сон. Это всего лишь сон».

Но если Рыцарь – ее личная греза, порождение ее подсознания, то почему он... такой? Образ светловолосого и голубоглазого защитника с мечом в руке и лучезарной улыбкой никогда не привлекал Асю. Да и шаблон «принцесса и спасающий ее рыцарь» хорош разве что в книгах. Она никогда не мечтала о том, что кто-то взвалит на свои сильные плечи все ее проблемы. Ее научили рассчитывать только на себя.

Нет, в детстве Аси не было никаких пламенных разговоров о независимости, феминизме или о чем-то в этом роде. Просто перед глазами был вдохновляющий пример матери. «Гордячки-матери», как с неодобрительным фырканьем как-то сказала тетя Анжела.

Она приехала из столицы, когда их засосала воронка под названием «безденежье». Ворвалась в их старенькую квартиру вместе со шлейфом умопомрачительных духов (цена у них наверняка была не менее головокружительной, чем их воздействие на Асю). В элегантном брючном костюме бренда, который наверняка был у всех на слуху. От нее так и веяло успехом и красивой жизнью. Не той, что смотрит на тебя с инстаграмных фото с десятками фильтров, не той, что выражается в драгоценностях, украшающих собой каждый свободный сантиметр тела, или в одном бриллианте в несколько

карат, едва помещающемся на худеньком пальце.

А та красивая жизнь, что воплощается в ухоженности, гладкой, сияющей коже и жестах человека, перед которым готов склониться если не весь мир, то какая-то его часть.

Ася была готова побиться о заклад: тетя Анжела приехала, чтобы спасти «бедняжек Волчек». Стать крестной феей, которой им, двум отчаявшимся Золушкам, так не хватало. И (наверняка не главный фактор, но от того не менее приятный) добавить еще один факт в копилку своих побед – где-то между открытием филиала ее магазина дизайнерских украшений в очередном городе и очередным призом, полученным на выставке собак ее драгоценной Шелли.

Тетя Анжела так и искрилась энтузиазмом, метко, словно дротики, бросаясь в них одним вариантом за другим: от банального дать им денег до более мудреного – забрать обеих Волчек в столицу и сделать частью своего бизнеса.

Мама Аси с характерным вежливым достоинством отбивала каждое из предложений. Нет, деньги им не нужны. Нет, переезжать они не планируют. Да, их обеих вполне устраивает то, что она пропадает на двух работах, одна из которых предполагает, что один месяц она проводит дома, а следующий – уезжает на заработки.

Ни один из метких, на первый взгляд, бросков так и не угодил в мишень. Энтузиазм тети Анжелы гас, пока не исчез совсем. Больше она к «бедняжкам Волчек» не приезжала.

«Но что, если подсознательно я желаю если не быть спа-

сенной, то перестать... быть одной?»

Ася мотнула головой. Нет, она решительно отказывалась в это верить.

В просторную аудиторию с ровными рядами парт подтягивались студенты. Часть будущих религиоведов со скучающими лицами занимали свои места, другая до последнего стояла у двери, активно что-то обсуждая. Судя по долетающим до Аси репликам, пропущенные ею посиделки у Вики в том числе.

– Привет, Лен, – мимолетно улыбнулась Ася.

Староста, высокая и худощавая блондинка, собирающая тонкие волосы исключительно в низкий хвост, насмешливо фыркнула в ответ.

– Ну надо же, а теперь наша королева со мной здоровается!

Брови Аси взметнулись вверх. Игнорировать других людей было не в ее привычках. Она усердно училась у мамы тому самому вежливому достоинству, и благовоспитанность была одной из главных его составляющих.

– Эм-м-м... прости?

– Я вчера видела тебя на Пожарской. Окликнула тебя раз пять, хотела спросить, что ты делаешь на моей улице в половину первого, да еще и в одиночку. Выглядела как дура, когда тебя звала, честное слово. Ты даже голову не повернула!

– Лен, ты конечно извини, но я вчера вырубилась часов в десять, – с нервным смешком сказала Ася.

«Ровно перед тем, как увидеть еще один на редкость странный сон», – мелькнуло в голове.

– Ага, а я, по-твоему, слепая, – хмыкнула Лена.

– Может, был просто кто-то похожий на нее? – предположила Тоня.

– Точно. Кто-то очень похожий на нашу Асю в ее фирменных платицах «я у мамы принцесса» прошел буквально в паре шагов от меня и поэтому я, конечно же, обозналась.

Ася открыла было рот, чтобы заверить Лену, что никак не могла быть на Пожарской после полуночи, как та бросила:

– Ладно, мне пора.

И направилась прочь от подруг.

– Странная шутка, – глядя ей вслед, недоуменно сказала Ася.

Лену она уважала за неумную энергию и инициативность, и за то, что ей хватало чувства такта, чтобы не поучать других. Подобные шутки – ну совсем не в ее стиле.

– Да уж, – с не менее озадаченным видом протянула Тоня.

Ася невольно глянула вниз. Сегодня на ней было персиковое платье с белой атласной лентой. Всю без исключения одежду она шила себе сама. Ей нравились женственные фасоны, мягкие линии, кружева и кокетливые банты на тонкой талии.

Когда Асе было лет четырнадцать, ее нелюбовь к платьям простого покроя достигла апогея. Именно тогда она увидела в витрине магазина роскошное платье в стиле шестидеся-

тых. Яркий принт из крупного гороха, пышная юбка-солнце с крупными складками и огромный атласный бант. В голове тут же зазвучала музыка, будто кто-то включил старый музыкальный автомат, и тонкие руки в кружевных перчатках легли на плечи одетого с иголки джентльмена с напомаженными волосами.

У девушки из ее видения серебристый, как перезвон колокольчиков, смех и жемчужное ожерелье на лебединой шейке. Ее партнер, кружа в танце, шепчет на ухо, как она прекрасна, вызывая румянец на щеках. И она краснеет, и беззаботно смеется. И кружится, кружится, кружится...

Ася влюбилась в это платье. Помчалась к матери, уговаривала его купить, убеждала, что больше никогда и ничего не попросит. Привычные манипуляции вроде подарка на день рождения здесь не срабатывали: с недавних пор праздников они не отмечали. Сначала не хватало денег. Когда деньги появились, Асе стало не хватать матери.

На следующий день на столе в ее спальне появилась допотопная швейная машинка, явно купленная «с рук». А рядом – деньги на ткань и фурнитуру.

– Хочешь новые платья? Пожалуйста, – сказала мама за ее спиной. – Только шей их сама.

Поцеловав ее в щеку, Ася схватила деньги со стола и помчалась в магазин тканей.

Последовали многочисленные жалкие попытки и попытки менее провальные, результатом которых становились на-

ряды, которых не было больше ни у кого. И хотя платье мечты Асе воссоздать так и не удалось, его черты угадывались в каждом из ее творений.

Слова Лены «я у мамы принцесса» заставили ее инстинктивно оправить наряд, будто защищая свое право носить платья с пышными юбками-солнце и бантом на талии. Заметив это, Тоня громко фыркнула:

– Да забей на нее. Выглядишь бомбезно!

Ася невольно рассмеялась, спросила шутливо: «Правда?» А Тонин взгляд уже был направлен куда-то в сторону. Ее внимание переключалось буквально по щелчку пальцев, и на этот раз его привлек «зануда Антон», их долговязый сокурсник, сидящий впереди. С выразительным лицом он кивнул сначала на свой телефон, потом на Тоню.

– Опять динамишь? – хмыкнула Ася.

– Тренирую его выдержку и проверяю на прочность, – с достоинством ответила Антонина.

– Ага. Динамишь.

Тоня закатила глаза и потянулась за телефоном. Антон расплылся в довольной улыбке.

«Рано радуешься, – со вздохом подумала Ася. – Русские девушки так просто не сдаются. Особенно Тоня».

На обеденном перерыве они ускользнули в кафе неподалеку. Асе безумно захотелось залить тревогу порцией шоколадного коктейля – надежное лекарство от большинства ее бед. С бедами, которые требовалось заливать чем-то суще-

ственно покрепче, она еще, к счастью, не сталкивалась.

«Если не считать странных снов и галлюцинаций», – вставил ехидный внутренний голос.

– Ты сама не своя, – заметила Тоня.

Сдвинув брови, она наблюдала за подругой с противоположной стороны стола.

Ася вздохнула. Она и впрямь чувствовала себя так, будто тонет в океане собственных мыслей. Казалось, их стало так много, что они уже не уместались в голове, заполняя все окружающее пространство. Стоило только сосредоточиться, и перед глазами вставало растворяющееся в воздухе тело. И Тоня-неТоня, бегущая куда-то прочь. И еще сон, который все никак не желал кончаться...

Захотелось все рассказать, но как бы это прозвучало?

«Ты знаешь, у меня позавчера был то ли сон наяву, то ли галлюцинация, и я видела девушку, которая показалась мне мертвой, но может она и не была мертвой, точно сказать не могу, потому что длилось это недолго. А еще там была утопленница и... я. Ах да, потом все исчезло».

Бред сумасшедшего, не иначе.

«Тебе просто привиделось, – уверенно сказал внутренний голос. Тот, что был куда более серьезен, чем его ехидный собрат. – Это обычный старый заброшенный дом без всякого намека на чертовщину».

Правда, оставался открытым вопрос, с какой стати обычной и трезвомыслящей (ну, если не брать в расчет трепетную

привязанность к картам Таро и мысленным беседам с самой собой) девушке внезапно что-то привиделось?

Разве это не участь... ненормальных?

После учебы домой к ней Тоня не пошла – торопилась на свидание с Антоном. Когда Ася резонно поинтересовалась, зачем подруга на него идет, раз продолжает называть Антона занудой и «весьма предсказуемой личностью», ответ ее не слишком удивил.

– На безрыбье и рак рыба. Юность проходит, а я все еще хожу в старых девах.

– Антонина, тебе восемнадцать!

– И восемнадцатилетним хочется романтики, – не сдавалась та.

Ася только головой покачала. Иногда – чаще всего, пожалуй – спорить с Тоней было совершенно бессмысленно.

Она шла домой знакомым, выученным наизусть, как алфавит или таблица умножения, маршрутом и так и не сумела понять, в какой именно момент он стал... другим. С чего вдруг дорогу ей перегородила Адмиральская? Улица, больше похожая на длинный коридор – дома на ней сомкнулись так плотно, что не оставили ни единого просвета.

В каком-то оцепенении Ася прошла магазин тканей, в котором была постоянным покупателем. Затем подвальное кафе с уютным названием «Сверчок». «Кафе, в таком случае,

должно находиться на чердаке», – негодовала Тоня, а Ася спорила, что сверчки обитают и в подвалах, и на чердаках. Потянулся длинный торговый центр, в котором томились усталые продавцы бижутерии, косметики и одежды.

Те же здания, тот же порядок, вот только на улицах – ни единой машины, ни одного прохожего, и... ни единого прохода во дворы. Дома жались друг к другу боками – ни дать, ни взять, лучшие каменные друзья, големы-парабатаи...

Дыхание застряло в горле. Ася остановилась, крепко зажмурила глаза, потом осторожно, по одному, открыла. Иллюзия не исчезла – родной город по-прежнему притворялся Великой Китайской стеной. Светило солнце, но оно казалось... неживым. Мгновение спустя Ася поняла, в чем дело – оно не грело. Можно быть гениальным художником и мастерски изобразить улицу, залитую солнцем, вот только воссоздать его тепло на холсте никому не дано.

Ася медленно выдохнула. Как там говаривал Карлсон? Спокойствие, только спокойствие... Поколебавшись, она направилась вперед. А что еще оставалось?

После Заречной, Беговой, Физкультурной, Цеховой и Смоленской стало ясно – улицы все-таки спутались, а весь город превратился в один нескончаемый каменный лабиринт. Ей бы в руки нить Ариадны... Ася поняла, что нужно ускориться – если она хочет найти выход до того, как поставит на себе клеймо психически ненормальной, до того, как на город опустится ночь, и новая реальность станет в разы

страшнее, нужно... бежать.

Сворачивая с одной улицы на другую, периодически замирая и тревожно прислушиваясь к окружающей ее тишине, Ася чувствовала себя симпатягой Диланом О'Брайеном – даром что по ее пятам гривер не гнался. Зато у него было преимущество – карта. А она понятия не имела, куда и зачем бежит.

Все двери заперты, словно архитектор, создавший модель целого города, такую мелочь, как внутреннее пространство домов, придумать не удосужился. За каким поворотом прячется ее улица – непонятно.

Ася успела возомнить, что игры собственного рассудка ждут от нее полноценной разгадки. Что пазл сложится, и тогда она поймет, где скрывается выход. И потому так сильно недоумевала, когда все вдруг закончилось. Когда в домах наметился просвет, а улицу заполонили люди и машины.

Она стояла прямо посреди дороги, пока какой-то нетерпеливый водитель не начал с остервенением давить на клаксон. Когда Ася отошла, машинально передвигая ногами, как пьяный с включенной функцией «автопилот», из опущенного окна в спину ей донеслась брань. Она и ухом не повела. Сейчас у нее были проблемы посерьезнее оскорбленного достоинства.

Хорошо, что рядом не было Тони. Просто не нашлось бы подходящих слов, чтобы все объяснить.

Люди не чувствуют, как сердце гоняет кровь по их телу, не

видят всех циклов, через которые проходит организм. Так и Ася никак не могла рассмотреть детали механизма, который искажал мир вокруг нее. Видела лишь результат, когда привычная реальность сменялась иллюзией, видением, галлюцинацией – как хочешь, так и называй. Чтобы долгие минуты спустя снова прикрыться реальностью, как французская барышня, одетая по моде рококо, веером.

Придя домой, Ася растянулась на кровати и какое-то время лежала в позе морской звезды, бездумно глядя в потолок. Любые мысли, любые попытки во всем разобраться причиняли физическую боль – будто металлические шарики, хаотично бьющие о стенки черепа. Лучшее, что можно сделать в такой ситуации – просто не тревожить отлитые в металле мысли.

Не выходило.

Рука сама собой потянулась к картам Таро. Ася заставила себя расслабиться и словно расфокусировать внимание. А затем решительно вынула карту из колоды. С губ сорвался огорченный вздох – ей выпало Колесо Фортуны. Беда в том, что карта была перевернута, что сулило неудачу и перемены в худшую сторону.

Разочарованная, Ася убрала карты в сторону.

Время за чтением статей для курсовой пролетело незаметно. Она и глазом не успела моргнуть, как на город опустилась ночь. Ася выключила лампу, чувствуя, как слипаются глаза. В сон провалилась, едва голова коснулась подушки.

Засыпая, она подспудно надеялась, что еще встретится с героем своих снов. Однако едва в это верила. Даже когда открыла глаза в уже до боли знакомом месте.

Тот же коридор – жаль только, что пустующий. Тот же самый отель.

Она снова провалилась в Туманность Пустоты.

Глава пятая. Колесо Фортуны

КАРТА ТАРО "КОЛЕСО ФОРТУНЫ"

Ключи: Судьба, цикл, поворотный пункт, неожиданные перемены, подъем и спад, течение жизни.

Карта кармических перемен и поворотов судьбы, которые находятся вне нашего контроля. Она напоминает, что жизнь состоит из взлетов и падений, и единственная постоянная вещь – это изменение.

Замерев посреди коридора, Ася задумчиво покусывала щеку. Случалось, что ее сны повторялись, но этот сон сам по себе был не таким, как все. Более детализированным, трехмерным, реалистичным... Каких еще сюрпризов от него ожидать?

– Рыцарь? – тихо позвала она.

В соседних комнатах его не оказалось. Может, это и нормально – испытывать огорчение от того, что героя ее сна нет рядом, но искать его по всему этажу Ася не собиралась. Она сглотнула, глядя в конец коридора, до которого оставалось всего пара дверей. Поджидает ли ее Арахна? Придет ли Рыцарь на помощь, если она снова нападет?

Ася тряхнула головой, злясь на себя. Пора вытряхнуть из головы эту опутавшую разум сахарную вату. Пора перестать быть беспомощной девчонкой. Пускай даже во сне.

Если она и впрямь управляет этим сном... Или это за нее делает ее подсознание...

«Не приходи, слышишь? Даже если позову на помощь. Я разберусь со всем сама».

Ася почувствовала себя немного лучше. Немного... увереннее. Будто сейчас в ней было чуть меньше сахарной ваты и чуть больше стали.

Если Арахна – такое же порождение ее снов, Ася справится и с ней. В конце концов, Рыцарь вполне мог оказаться ее собственным орудием против плетельщицы паутины. И если это правда, в этот раз Ася просто выберет что-нибудь другое.

«Как насчет острейшего клинка?»

Ася взглянула сначала вверх, словно посылая запрос во Вселенную, а потом вниз, на собственную руку. Клинк в ней, увы, не оказалось. Хмуря брови, она невольно вспоминала последнюю выпавшую ей карту. Словно некое... предостережение.

– Но я справлюсь, – тихо сказала она сама себе. – Ведь это всего лишь сон, верно?

Конец фразы повис в воздухе – и в ее голове – жутковатым эхом. Но даже если ее ждет очередной кошмар, она переживет и его.

Миновав оставшиеся двери, Ася наконец достигла конца коридора. За еще одной белой дверью пряталась лестница. Вряд ли у нее был хоть какой-то иной выбор, кроме как спуститься по ней на нижний этаж отеля. Его, по всей видимо-

сти, хозяйка помалкивала, но воцарившаяся тишина казалась плотной и напряженной. Упорно казалось, что за Асей неотрывно наблюдают невидимые – для нее – глаза. И, препарируя ее взглядом, все пытаются понять и разгадать какую-то загадку...

Тишину разбил приглушенный, смутно знакомый звук. Кажется, доносился он из одной из комнат. Дверь Ася открыла без раздумий: гарантия возвращения домой из сна, который казался таким до жути реальным, придавала уверенности. Комната оказалась пуста. В ней не было ничего, кроме окна, до краев заполненного туманом. В центре на коленях сидела девушка. Каштановые волосы, модная рваная стрижка, джинсы, обтягивающие худые, как спички, ноги и свободный топ.

Ася осторожно подошла к ней, остановилась напротив.

– Ты в порядке? – мягко спросила она.

Вскинув голову, незнакомка устремила на нее безумный взгляд. Волосы безжизненными прядями свисали вдоль бледного лица, под глазами – черные круги, словно она не спала несколько суток.

– Ты тоже здесь?

Ася недоуменно нахмурилась.

– Да, как и все остальные, – не найдя ничего лучше, сказала она.

– Они – уже не здесь, здесь только их тела. Пустые, как яичная скорлупа, оболочки.

Незнакомка хихикнула, будто ей понравилось собственное сравнение, но тут же всхлипнула, побуждая Асю в очередной раз засомневаться в ее психическом здоровье.

– Хочешь сказать, они... бездушны?

– Что есть душа без воспоминаний? А она их выпила... правда, еще не до конца...

– Кто?

Незнакомка вжала голову в худые плечи.

– Говори тише! Она услышит!

Выдохнув, Ася повторила уже спокойнее:

– Кто «она»?

– Шептунья...

– Арахна? – воскликнула Ася.

Та, что шептала, опутывая ее паутиной?

Она перевела взгляд на всхлипывающую незнакомку. Странный ли это сон или игры взбунтовавшегося рассудка, но оставить бедняжку в одиночестве Ася не могла.

– Ты знаешь, почему мы здесь?

– Это ее Туманность, ее правила игры. Шептунье нужны чужие воспоминания. Она пожирает их на обед, как паук – мух.

Знакомое до боли слово резануло по ушам. Но что значит «ее»? Туманность не единственная в своем роде? И кому вообще могут понадобиться чужие воспоминания? И главное, для чего?

Голова готова была расколоться. Помотав ею – разбухшей

от мыслей, отяжелевшей, Ася решила сосредоточиться на главном.

– Я хочу выбраться отсюда, – заявила она. – Насовсем. Чтобы больше сюда не возвращаться. Ты знаешь, как это сделать?

На нее в упор уставились огромные серые глаза. Отчаяние в них боролось с безумием.

– Лучше сидеть тихо. Мы здесь в безопасности, понимаешь? – Незнакомка кивнула, потом снова и снова, будто не в силах остановиться. – Мы в норке. Мы в норке, норке, норке!

Ася постояла, кусая губы.

– Я вернусь за тобой. Я найду выход отсюда и обязательно вернусь за тобой.

Бормотание незнакомки стихло – будто ножом отрезали. Она резко выпрямилась – ее лицо оказалось на уровне лица Аси – и выкрикнула:

– Выхода нет!

Ася вздрогнула. А незнакомка обессилено опустилась между скамьями, обхватив дрожащими руками колени.

– Выхода нет, – бормотала она. – Выхода нет, выхода нет.

Ася ушла, не оглядываясь. Попавший в беду человек (и, если вспомнить безутешного отца, не единственный), которому она не может помочь. Это... смущало. Разве в своем собственном сне она не обязана быть всемогущей?

За неимением других вариантов, Ася решила проверить другие двери. И уже следующая оказалась открыта нарас-

пашку. Комнату за ней заливал свет роскошной люстры, из мебели – только старинный секретер и, по контрасту, современный шифоньер с зеркалами.

Немолодой мужчина с усталым лицом сжимал в руках чью-то фотографию. Подойдя ближе, она разглядела приятное женское лицо в обрамлении светлых волнистых волос. Увидев Асю, незнакомец поспешно опустил фото. Не вздрогнул – лишь с застывшей в уголках губ горькой усмешкой качнул головой.

– Еще одна муха, угодившая в ее паутину...

– Вы про Шептунью? – догадалась Ася. – Но кто она такая?

– Забери у меня тепло, отдай ей... – будто не слыша ее, тихо сказал незнакомец. – Сам я не могу. Вот и заточил себя в клетку из четырех стен.

– Я не понимаю, – прошептала Ася.

– Я пленник здесь, в ее проклятом королевстве...

В голосе незнакомца не было ненависти и злобы – лишь безграничная усталость, которую от беспросветного, похожего на черную бездну отчаяния отделял всего один шаг.

– Прошу, помоги мне обрести свободу.

Заманчивая мысль – стать для людей, попавших в ловушку, освобождением. Но что-то мешало Асе бездумно согласиться. Даже упрямое напоминание, что все происходящее – лишь странный сон, тянущийся, казалось, целую вечность.

– Там, в шкафу, в кармане пальто...

Мужчина кивнул в сторону шифоньера, а его взгляд вернулся к женщине на фото – дочери или давно умершей жене.

Помедлив, Ася все же открыла дверцы шкафа. В кармане и впрямь обнаружилось что-то холодное. Она выудила добычу – красивые серебряные часы. Они казались подозрительно... неправильными. Почему, Ася и сама не знала, но когда часы оказались в ее руках, ощущения стали в разы острее. Откинув крышечку, она прочитала выгравированные на серебре слова: «С любовью. Марина».

Теперь она поняла, что казалось ей неправильным. И в часах, и в фотографии, в отличие от всего остального в комнате, таилось человеческое тепло – незримое, неосязаемое, заключенное не в металле или бумаге, а в овале лица, взгляде и словах: «С любовью. Марина».

Все-таки жена.

Ася вздрогнула, когда мужчина заговорил – хрипло, через боль и через силу.

– Если найдешь ее, чего я так и не сумел сделать... Если вдруг когда-нибудь ее встретишь... Скажи, что я всегда ее любил.

Острый ком в горле помешал ответить. Сглотнув, Ася медленно перевела взгляд на незнакомца.

– Я скажу, но... Я не хочу, чтобы вы умирали из-за меня.

– Я не умру, девочка, – усмехнулся незнакомец. – А даже если так... Я прожил достаточно. Помнил достаточно. Все, что осталось среди вороха воспоминаний – рвущее ду-

шу осознание, что ее нет. Это больно и неотвратно, а потому больнее вдвойне. Избавившись от знания, я избавлюсь и от боли. — Он помолчал, потом заговорил снова, заглянув Асе прямо в глаза. — От моего тепла остались жалкие крохи, но этого хватит, чтобы она отпустила тебя. Может, не сразу, но... Борись. Пытайся. И если выберешься, постарайся больше никогда сюда не попадать.

Незнакомец бросил на фотографию жены последний долгий взгляд и бережно положил ее на секретер. Пальцы, держащие прямоугольник бумаги, разжал не сразу. Стиснув руки в кулаки, запрокинул голову.

— Забирай их, старая ведьма! — Его голос окреп, звучал уверенно и сильно. Бесстрашно даже. — И часы, и фотографию — все забирай!

— Надо же, — откровенно издевательски рассмеялась та, кого испуганная незнакомка называла Шептуньей. — Решился, стервец. Наскучило целыми днями вспоминать свою женушку?

На скулах мужчины заиграли желваки. Кожа на костяшках натянулась, белея — так сильно он сжимал кулаки в попытке сдержать свою ярость.

— Я устал, да. И, возможно, это слабость, которая мне совсем не к лицу. Но время здесь... Я скорбел не день, не год... Я оплакивал ее века. Я просто устал ее помнить.

— Как трогательно... — язвительно начала Шептунья. Тряхнув головой, мужчина ее прервал.

– Но я хочу, чтобы взамен ты отпустила эту девочку...

– О, боюсь, ты многого хочешь.

Жесткая ухмылка преобразила лицо незнакомца.

– Тогда ты не получишь меня.

Послышался раздраженный вздох – словно ветерок пронесся по комнате.

– Ну хорошо. Я дам ей фору. Точнее... Я дам ей ключ. А как она распорядится им – ее дело. Большого, милый, предложить не могу.

Повернувшись к Асе, мужчина мягко улыбнулся – дескать, я сделал все, что мог. Она даже не знала, как реагировать на происходящее, но все же произнесла неуверенное «Спасибо». Он желал ей лучшего. Он хотел ее спасти, не зная, что для спасения ей нужна такая малость...

Всего лишь проснуться.

– Скажи это, – потребовала Шептунья.

Закрыв глаза, незнакомец сказал:

– Я отрекаюсь от своих воспоминаний.

Часы, которые Ася продолжала сжимать в руках, вспыхнули в то же мгновение. Но огонь, поглотивший их, ладонь не обжег. Он был холодным и дымчатым, как туман за окном отеля. Та же участь постигла и фотографию, но секретер под ней пламя не затронуло.

«Это точно сон», – с облегчением подумала Ася.

В реальной жизни не бывает туманного огня, как не бывает огня, который действует избирательно, точно, погло-

щая лишь то, что ему необходимо.

Часы и фотография исчезли, будто их никогда и не существовало, забрав вместе с собой и дымчатое пламя. А глаза мужчины будто потухли. Он вдруг враз... опустел. Был живым, а стал своей собственной тенью.

– Я... – Голос от неожиданности охрип, и Асе пришлось прочистить горло. – С вами все в порядке?

Не самый своевременный и подходящий вопрос, если учесть, что он провел целые годы в комнате проклятого отеля, горюя по умершей жене, а теперь отдал все воспоминания о ней властной невидимке. Однако ничего другого Асе на ум не пришло.

Мужчина не ответил. Развернулся и молча вышел за дверь. Она бросилась следом, но в коридоре не увидела ни единой души. Незнакомец растворился в воздухе.

– Надеюсь, он наконец обрел покой... – прошептала Ася.

– Надейся, – холодно обронил голос, заставив ее вздрогнуть. – Но, что ни говори, сделка есть сделка. Загляни в свой карман.

Ася послушалась. Карт в ее кармане оказалось две: Рыцарь Кубков, заставивший ее сердце сделать лишний удар и... Колесо Фортуны. Таро из реальности, отразившееся в ее сне. Однако страннее всего то, что как бы Ася ни вертела ее в пальцах, карта мистическим образом не желала переворачиваться вверх ногами и оставалась всегда в прямом положении. Успех, новый этап в жизни, дарованная кем-то

свыше удача...

Так значит, это и есть ее ключ?

Краем глаза Ася увидела, как стены комнаты оплетает полупрозрачная вязь паутины. Даже думать не хотелось, что случится, если она снова попадется в силки.

– А теперь беги, мой пушистый кролик. Беги!

Она охотно последовала совету. Прочь из этого сумасшедшего дома, в котором властвовала бестелесная Шептунья, охотно забирающая чужие воспоминания. Паутина упрямо следовала за ней.

Стремительно преодолев коридор, Ася сбежала по лестнице. Однако дверь в ее основании была заперта.

– Что? Но...

Это другая дверь? Или...

Охваченная паникой, Ася не сразу вспомнила слова Шептуньи про ключ. Не сразу сообразила торопливо вынуть из колоды нужную карту – Колесо Фортуны. Сжала в ее руке – скорее, растерянно, нежели с какой-то определенной целью. Однако ее стихийные действия оказались верными. Карта распалась серым, как туман за окном отеля, пеплом и превратилась в ключ.

Ася вставила его в замочную скважину, навалилась всем телом на дверь, и ворвалась...

На очередной пустой и безликий этаж.

Будь у нее другое воспитание, она бы с чувством выругалась. Вместо этого, прикрыв глаза и опершись о стену, про-

шептала: «Проклятье».

Где-то сверху рассмеялась Шептунья.

Двери, комнаты, комнаты, двери... Блуждание по отелю напоминало бесконечный «день сурка». Счастливые, полные жизни или тоскующие, оплакивающие кого-то из близких, лица незнакомцев сливались в едва различимые пятна. Так размывается пейзаж за окнами автомобиля, который мчится со скоростью сто пятьдесят километров в час.

Ася устала, вымоталась и даже будто бы... проголодалась. Изумленная таким сигналом организма, она остановилась посреди коридора, сосредоточенно морща лоб. Испытывала ли она когда-нибудь во сне чувство голода? Не просто желание отхватить пару печенек, а настоящее сосущее ощущение в животе? Что самое странное, во сне Ася хотела... спать. Коснуться щекой мягкой подушки, закутаться в одеяло (или, для особого уюта, сделать конвертик, подоткнув углы, как в детстве ей делала мама) и спать. Долго и, желательно, без сновидений.

Она зашла в очередной «стандартный номер», похожий на остальные, как однояйцевые близнецы. Что-то мелькнуло на периферии зрения. Белое, выбивающееся из общей сумрачной картины – в подобных пустых комнатах не зажигался свет.

Листок на одной из тумб. Вскинув бровь, Ася подошла поближе. Неужели?..

Да, оно. Еще одно письмо – будто новая страница чужих

воспоминаний. Чтобы прочесть его, Асе пришлось выйти в коридор.

«Здравствуй, любимый.

Это клетка. Теперь я точно это знаю: я – в тюрьме из камня и тумана.

Смешно, правда? Сидеть взаперти, уже зная, что это – ловушка, но не имея возможности заставить себя уйти. Я долго сидела так. Долго надеялась, что ты вернешься. Что туман рассеется. Что я проснусь.

Однажды я нашла в себе силы подойти к входной двери. Она не поддавалась. Именно тогда я поняла – я действительно в ловушке.

Часть меня чувствовала – я могу все изменить. Могу заставить тебя вернуться. И та же часть меня понимала: это будет иллюзией. Неправдой. А я не хотела сладкой, долгожданной, но лжи.

Я хотела правды.

Я по крохам собирала собственные воспоминания, пытаюсь понять, что последнее о тебе хранит моя память. Не годовщина, нет... Было что-то после. Я записывала все. Все наши ссоры и примирения, все брошенные тобой когда-то слова. Вспомнить, что было после момента, в котором я безнадежно застряла, оказалось... больно. Трудно описать словами, но казалось, будто я пытаюсь разрушить преграду, которая отчаянно не желает быть разрушенной. В виски словно

вкручивали штыри, и чем больше я пыталась вспомнить, тем больнее становилось. Иногда я обхватывала голову руками, и, отнимая ладони, боялась увидеть на них кровь.

Но я вспомнила. Я вспомнила, как умерла.

Я не плакала. Где-то глубоко внутри я давно уже знала, что случилось на самом деле. Возможно, подсказал ирреальный туман, возможно, мой родной дом, ставший мне клеткой. Но я давно уже подозревала, что мертва.

Я жалею лишь об одном – что не могу увидеть тебя, любимый. Не могу коснуться тебя, не могу вспомнить, каково это – когда твои руки обнимают меня. Будто само знание от меня ускользает. А в тех воспоминаниях, что я бережно лелею, не хватает тепла. Это как смотреть на черно-белую фотографию прекрасного в реальности пейзажа: снежных пиков с зеленеющим океаном леса внизу, восхода солнца или малинового заката. Ты знаешь: то, что перед тобой – красиво, восхитительно. Но этого не ощущаешь.

Меня пугает мысль, что место, в котором я оказалась, заберет мою любовь к тебе, как понемногу забирает тепло из моих воспоминаний. Я раз за разом повторяю себе – это невозможно. Я верю, Костя, что даже смерть не разлучит нас.

С любовью, твоя Вера».

Я вспомнила, как умерла.

Выходит, этот отель – вотчина мертвых.

«Это не по-настоящему», – напомнила себе Ася.

Но все спуталось в ее голове. Как убедить себя в иллюзорности происходящего, когда все кажется таким... реальным? Ясно одно – явь это или нет, ей нужно выбираться отсюда.

Вселенная, обычно равнодушная к ее желаниям, на этот раз откликнулась. И забрала Асю из этого безумного сна.

Глава шестая. Отшельник

КАРТА ТАРО "ОТШЕЛЬНИК"

Ключи: Самоанализ, поиск истины, уединение, поиск себя, мудрость, одиночество.

Карта паузы, внутреннего поиска и необходимости прислушаться к внутреннему голосу. Она говорит об одиночестве как о сознательном выборе побыть наедине с собой, заглянуть внутрь себя, чтобы найти ответы, которые не отыскать в шуме внешнего мира.

– Ты в порядке?

Невинный тон, небрежно брошенные слова... и цепкий взгляд, готовый заметить любое колебание и самую незначительную ложь.

Ася глотнула чай, поморщилась – слишком горячий. И когда уже в кафе научатся спрашивать: «Вам не разбавить чай холодной водой?» Хоть специальное движение организуй, честное слово.

Вопрос повис в воздухе и потонул в нем, как в вязком киселе. Ася упустила момент, когда можно было улыбнуться и деланно беззаботно сказать: «Все хорошо». И чем дольше она молчала, тем настороженней становилось лицо Тони. Ася выдохнула, словно страдающий талассофобией перед тем, как войти в морскую воду. Мелькнула дельная мысль:

что, если между слишком острой правдой и наглым враньем выбрать золотую середину?

Полуправда звучит красиво, даже при том, что на пятьдесят процентов состоит из лжи.

– Мне снился странный сон... Кошмар... Не знаю.

Ася помолчала, раздумывая, как облечь свои ощущения в слова. Кошмар – это коктейль из липкого ужаса, мерзких, кровавых кадров, сердца, остервенело бьющегося в груди. В снах об отеле ничего этого не было. Но было что-то другое. Предчувствие беды. Той, что подступает тихо, незаметно, но ты знаешь: от нее не убежишь. Она всюду – в воздухе, в стенах.

В тумане.

Было в том месте что-то плохое, неправильное. То, что не давало покоя Асе даже сейчас. А ведь она надеялась, что для того, чтобы все закончилось, ей достаточно просто проснуться.

«Но ведь дело не только во сне, правда?» – спросил внутренний голос. Глухой, с терпкой ноткой тревоги.

«Нет, – послушно ответила Ася, как человек, который говорит с собственным отражением, воображая, что у него берут интервью. – Не только».

– Там были трупы? Призраки? Монстры? – оживилась Тоня.

Что для Аси – ужасы, для нее – лакомая конфетка. Фильмы подобного жанра она пересмотрела, наверное, все – от

классики до самых свежих новинок. Ася увлечение подруги не разделяла. Взять хотя бы фильмы про призраков, остереженело мстящих живым... Даже понимая, что происходящее ирреально, после подобных картин она еще долго выискивала в полумраке искаженные очертания теней. Пусть призраки и иллюзия, но страх-то вполне настоящий! И она была не из тех, кто любит щекотать себе нервы почему зря.

– Нет. Ничего такого. Но все казалось таким настоящим...

– Знаю, – кивнула Тоня. Откусила добрую половину эклера и, ничуть не смущаясь, продолжила говорить с набитым ртом: – Вот снился мне один сон... Вылитая мелодрама! Иду я, знаешь, в таком роско-о-ошном платье, в белой шляпке, деловая по самое не могу. А навстречу мне идет просто шикарный парень в смокинге и с букетом роз. Он, видите ли, увидел меня по телевизору, влюбился и пересек весь континент, чтобы меня найти. А потом была такая драма! А в конце мы уехали на его кабриолете.

Несмотря на не покидающее ее напряжение, Ася рассмеялась. Мир будет рушиться, низвергнется в пылающую бездну, а Тоня будет все так же мечтать о любви.

– Серьезно, все было совсем по-настоящему! Мне кажется, я даже немного влюбилась.

– В парня из сна, – уточнила Ася.

– В парня из сна, – невозмутимо кивнула Тоня.

Ася рассмеялась, но тут же укоризненно себе напомнила: «Ты сама хороша. Сколько раз за сегодняшний день ты успе-

ла подумать о своем Рыцаре?»

На ее взгляд – непростительно много. К досаде Аси, мыслям о нем было отведено не меньше места, нежели мыслям обо всем происходящем в ее на редкость странных сновидениях. Однако разговор с беспрестанно щебечущей Тоней помог немного отвлечься. Вернувшись домой, Ася выпила таблетку (в висках зарождалась тупая ноющая боль) и решила лечь спать пораньше. Но вместо сна пришел... холод. Сказать бы «адский», но бытовало мнение, что в аду как раз так и ой как горячо.

Асю трясло. Не просто знобило, трясло крупной дрожью. Она натянула одеяло до подбородка, но это не помогло – оно казалось невесомым и набитым снегом. Какое-то время Ася пыталась уснуть, но поняла, что сделать это, когда буквально стучишь зубами от холода, невозможно. Резко выдохнула, и изо рта вырвался парок.

– Что за...

Дрожа, она дотянулась до торшера на тумбочке. Зажгла свет. Окно закрыто, за ним – октябрь, так откуда такой мороз, пробирающий до костей? Инстинктивно Ася растерла плечи, но ее пальцы оказались чуть теплее льда. Закуталась в халат, но и это помогло мало. Оставалось последнее, самое действенное средство против любого холода – горячий душ.

Кафель в ванной неприятно охлаждал босые ноги. Ежась и громко стуча зубами, Ася пустила воду. Теплее, еще теплее... На лице расплылась блаженная улыбка. Прожила она

недолго – всего несколько секунд. А потом ее смыла льющаяся сверху ледяная вода. Взвизгнув, Ася отскочила в сторону, насколько позволяло пространство душевой кабины. И только потом, с шипением втягивая воздух сквозь сжатые зубы, потянулась вперед и закрутила кран с холодной водой.

Пусть лучше кипяток, чем...

Ледяные капли ударились о кафель и разбились на мириады микроосколков.

– Какого... – изумленно прошептала Ася.

Дзинь. Дзинь. Дзинь.

Настоящий град, в который превращалась вода, льющаяся из душевой лейки.

– Черт, черт, черт!

Паникуя, Ася до отказа выкрутила кран. Выскочив из душа, растерла покрасневшую кожу полотенцем и поспешно натянула ночнушку. Ее по-прежнему трясло, но уже сложнее сказать, от чего – холода или пережитого шока. Не каждый день на тебя из душа льется ледяной дождь вперемешку с градом.

Ася шагнула вперед и с вскриком отдернула ногу. Разбившаяся на полу ледяная капля ожила, явно вдохновленная идеей заморозить все окружающее пространство. По кафелю во все стороны растекались инеевые ручейки, сопровождаемые приятным уху похрустыванием. Пол в ванной стремительно превращался в некое подобие ледяного катка.

С каждой секундой иней отвоевывал все больше про-

странства. Веточки изморози перекинулись на стены и бойко поползли вверх, к потолку. Ася будто примерзла к полу – стояла, не шевелясь. Да и что она могла сделать? Приказать творящемуся вокруг беспределу прекратиться?

Ася уже ничего не понимала. Может, она каким-то образом умудрилась заснуть? Может, сейчас она настоящая ежilasь от холода в своей постели, ворочалась, пытаясь плотней закутаться в одеяло?

Стены покрывались инеем буквально на глазах. Камень превращался в тонкий и прозрачный лед. И когда все вокруг заledenело, раздался громкий хруст. Стены не рушились, нет. Они ломались – как ломается под ногами хрупкая ледяная корка. Ася обхватила себя руками за плечи. Бежать? Но куда? Просыпаться? Но как? Еще в блужданиях посреди неведомой Туманности она убедилась, что пытаться очнуться от такого рода снов бесполезно. Почему? Кто бы рассказал...

Ася вздохнула. Кажется, у нее вошло в привычку говорить с самой собой и задавать вопросы, на которые не так-то просто найти ответ.

Мир вокруг нее изменился стремительно и кардинально. Комната, в которой она оказалась, представляла собой странную экспозицию из покрытого льдом камня. Обстановка самая обычная: узкая кровать, стопка книг, лишенных полки или шкафа, стол с лампой у окна. Ящики не открыть – все предметы мебели покрыты ледяной коркой. Ася попыта-

лась сдернуть покрывало. Куда там – оно намертво примерзло к кровати.

На редкость странный и до зевоты скучный сон. А еще до ужаса холодный.

За окном плотным полотном повис густой туман. Не привычный, молочно-белый, а пепельный. Слишком похожий на тот, что клубился за стенами отеля. Что за странное наваждение – видеть в каждом своем сне туман?

Все еще дрожа в тоненькой ночнушке, Ася вышла из комнаты в поисках хоть какого-нибудь источника тепла – или хотя бы тоненького одеяльца. Длинный коридор заканчивался балкончиком с балюстрадой, с которого хорошо просматривался раскинувшийся внизу огромный зал. И там уже было на что посмотреть. Один только трон – роскошный, вырезанный из огромного куска льда – чего стоил. На нем, положив тонкие руки на подлокотники, восседала черноволосая молодая женщина – прямо-таки Эльза, королева Эренделла. Лицо разукрашено инеем, словно причудливой краской в стиле боди-арт, и даже само платье соткано из серебристых инеевых хлопьев.

Гладиаторская арена в ледяном замке казалась столь же уместной, как египетская пирамида посреди сибирского леса. И все-таки в нескольких шагах от трона Ася видела именно арену, окруженную пустыми трибунами.

«Ты во сне. Ты можешь увидеть здесь хоть мамонта. Неужели и это тебя удивит?»

Ася слишком замерзла, чтобы всерьез раздумывать над логикой миражей ее подсознания. Холод будто выпивал из нее силы. Мучительно хотелось закрыть глаза и... да, заснуть в собственном сновидении. Вместо этого она, перевесившись через перила, сосредоточила свое внимание на происходящем на арене.

Странное дежавю... Круглый щит в руках бойца с фигурой дерущихся людей по краю, шлем странной формы с гребнем и шипами... Она определенно видела это раньше. Но где и когда?

«Фильм. Про гладиаторов... Точно, смотрели вместе с Тоной. Она еще тогда по этому актеру убивалась... как же его?»

Вспомнить Ася так и не смогла, но озадачилась сильно. Что за странный сновиденческий винегрет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.